

М. Е. ШИЛОВСКИЙ

НА СЕВЕРНЫХ УВАЛАХ,
НА ЮГЕ-РЕКЕ

Страницы истории
родимого края

г. Никольск
Вологодской области

К.-Городецкая типография, 1995 г.

ОТ АВТОРА

Вернувшись с войны, я все больше увлекался историей родного края. Многие заметки, вошедшие в этот сборник, в течение десятилетий печатались на страницах районной и областных газет.

Сейчас, когда они собраны воедино, счастлив я надеждой, что книжку с удовольствием перелистывают все любители-краеведы, молодые и пожилые, и прочтут страницы истории местного края, родной земли, на которой мы родились, росли, любили, ходили лесными тропинками, поили коней у реки. Родной земли, называемой Отчизной, которую защищали мы все, не щадя жизни, в самой жестокой из всех войн.

ЕСТЬ НА СЕВЕРЕ ХОРОШИЙ ГОРОДОК...

Взгляните на карту Вологодской области. Никольский район расположен в юго-восточном ее углу на весьма обширной территории в 7456,3 кв. км, с населением около 32000 человек. Более ста километров от северной до южной границы района, столько же от восточной до западной. Дугой, обращенной выпуклостью к югу, территорию рассекают взбугрившиеся холмы Северных Увалов — возвышенности на севере Русской равнины. Северные Увалы — конечная морена одного из ледников. На протяжении тысячелетий после оледенения земной поверхности под воздействием различных сил природы Увалы сильно разрушились и снизелись. Склоны холмов пологи, и общий равнинный характер местности редко нарушается.

Природа района поражает простой северной красотой, забыть которую невозможно, побывав здесь хотя бы один раз. Она снова и снова зовет к себе, манит родными сердцу полями и перелесками, чудесными закатами, звоном лесных ручьев и волнующим запахом лесных троп. Этой свежей и чарующей красотой родных мест навеяны многие произведения поэта-земляка Александра Яшина. В восторге от никольской природы была русская путешественница Александра Викторовна Потанина.

Очаровательна природа района летом и зимой. В июне здесь наступают знаменитые северные белые ночи, когда заря с зарею сходятся. В жарком июле столбик термометра иногда поднимается за тридцать. А если перед грозой стихнет ветер, становится зноено. Замирает природа, не шелохнется лист на дереве. А по небу с запада, застилая горизонт сиреневой хмарью, ползет фиолетово-синяя туча, клубясь и раскальваваясь огненными стрелами. В порывах ветра падают первые тяжелые капли, затем поднимается настоящая водяная метель. По земле прыгают, как горох на горячей сковородке, ледяные ягоды. Через пять минут образовались лужи, тают на глазах слойстые градины. Но вот отзвенели последние капли, стихший ветер несет свежесть, и снова улыбается солнце.

В августе появляются первые признаки осени, когда жар-птица садится на вершины лиственных деревьев, а к середине сентября лес начинает терять свой золотой убор.

Красивы никольские ландшафты и в зимнем убранстве, в снеговом покрове, мощность которого в отдельные годы здесь превышает 170 сантиметров, а столбик термометра в морозные дни опускается на 40 слишком делений ниже нуля.

Поверхность района покрыта густой гидрографической сетью, хотя больших рек немного: Юг с притоками, самый крупный из которых река Шарженьга длиной 130 километров, и Кема, образующая при слиянии с Лундангой реку Унжу — приток Волги.

Самой крупной в районе является река Юг. Начинаясь небольшим ручейком на высоте 279 метров над уровнем моря, Юг быстро растет в ширину и уже на двадцатом километре от истока разливается на двадцать метров. Живописен Юг в среднем и нижнем течении, например от устья Кипшеньги до устья Шарженьги, где берега достигают порой 40—60 метров высоты. Красивы и верховья реки. Густые и высокие ивняки сжимают реку, нависают с обрывистых берегов над прозрачными струями, стремясь скрыть их от палящих лучей солнца. Плыешь в лодке, словно по зеркальному коридору, и кажется, вот-вот за новым поворотом откроется неизвестная никому сказочная страна, где все новое: и растения, и животные, и люди. И хотя это только фантазия, но каждый изгиб реки, каждая излучина дают множество новых впечатлений, поражают своей неповторимой прелестью и очарованием.

Сделав большую петлю по территории Никольского района, Юг проходит всего в нескольких десятках километров западнее своего истока на территории Кичм.-Городецкого района и сливается с Сухоной, образуя Северную Двину. Близ устья Юга расположен г. Великий Устюг. Общая длина реки 491 километр.

Юг богат рыбой. Хотя реке Кеме и ее притокам он в этом уступает, но и здесь водятся налим и щука, голавль и язь, хариус, окунь и жерех, много мелких рыб, в частности, гольян, которого в других реках бассейна Северной Двины нет. Иногда любителям-рыболовам попадается стерлядка.

Меняя русло, Юг оставляет за собой много стариц. В них водятся караси. Озер в районе нет. Много болот, особенно в Нижней Кеме и на границе с Нюксенским районом — заветные места любителей клюквы.

Лесом занято до 70 процентов территории района. Лес — главное богатство края. Здесь растут сосна, ель, береза, осина, есть лиственица, пихта, липа. В западном углу встречаются клен, вяз. Много повсюду ольхи, ивы, черемухи, рябины. Весной приятно пройти вдоль речки, утопающей в черемуховом цвету.

Из даров леса распространены земляника, малина, брусника, черника, встречается ежевика (княжица), морошка.

В отдельные годы хоть возами вози грибы: подосиновики, подберезовики, белые грибы, еловый и боровой рыжики, грузди, волнишки, сыройки, лисички, валуи, путники, моховики и маслята, опята, сморчки и строчки..

В лесах района обитают такие представители фауны, как рысь и росомаха, красавец лось, барсук, куница, лиса, бурундук, не встречающийся в западных районах области. Ежегодно охотники сдают на заготовительные пункты тысячи беличьих, лисьих, заячьих, горностаевых шкурок, мех сухопутной акулы северных лесов — волка. Много заготавливается кротовых шкурок — в 1963 году более 22,5 тысяч штук. Развелось много выдр. Опытным охотникам нередко выпадает удача подвалить хозяина тайги — медведя. Больше стало кабанов. Приживаются бобры.

В 1994 году население района составляло около 31,8 тысячи человек. Свыше 10 тыс. человек — пенсионеры, около восьми с половиной тысяч — дети и подростки до 16 лет. Для района характерна высокая рождаемость. Еще и сейчас часто можно встретить семью, имеющую 5—6 детей, а есть и по 10—11 и даже 14 детей.

В 1993 году впервые за многие годы умерло больше, чем родилось. Это явление общее для страны в условиях экономической и политической нестабильности, но район один из последних в области сдает позиции по этому вопросу.

Образовательный уровень населения довольно высок. Свыше двух тысяч человек имеют высшее и среднее специальное образование.

Третья часть населения проживает в районном центре — г. Никольске. Сельское население сокращается. В целом длительное время шел поток населения в большие города, прежде всего на север страны. В последние годы поток прекратился, количество населения стабилизировалось за счет возвращения людей преклонного возраста в сложных условиях перестройки экономической и политической жизни страны, а также переселенцев из «горячих точек».

В районе на 1 февраля 1973 года было 269 населенных пунктов в сельской местности и г. Никольск. Причем часть из них просто числилась на бумаге.

На 1 января 1995 года осталось 194 сельских населенных пункта, из них 10 лесных поселков. В В.-Кемском сельсовете за последние два десятка лет исчезли такие деревни как Аридово, Орлово, Павлово, поч. Николаевский, поч. Корепин, Дубровка, Красавино; в Н.-Кемском — Красная, Вороново, Горка, пос. Копылово; в Полежаевском — д. Елшинская и другие.

Ликвидация мелких и удаленных населенных пунктов происходила не только по причине выезда населения за пределы района, а и в силу сосредоточения его в г. Никольске, центральных усадьбах сельсоветов, колхозов, в связи с укрупнениями. Если передвойной 1941—45 годов в районе было 223 колхоза и большинство из них объединяли жителей одного населенного пункта, то в течение двух десятилетий все сельские населенные пункты были объединены в 22 колхоза и один совхоз, а в последние, 90-е годы, два из них — «Красный птиловец» и имени Кирова — прекратили существование. В тяжелом экономическом состоянии находятся и еще некоторые из них.

Город Никольск за 215 лет своего существования, конечно, изменился, но по сравнению с многими центральными районными городами развивался медленно по причине удаленности от основных магистралей, и от центра области г. Вологды (почти 500 км). Дорога на Вологду и Б.-Устюг появилась в последние годы. Железнная дорога государственного значения находится на расстоянии 150—170 км от Никольска — Б.-Устюг и г. Шарья. Ведомственная железнодорожная ветка вошла в район к началу 90-х годов — ст. Кема вблизи пос. Макарово В. Кемского сельсовета, но пока большого развития не получила. Используется в основном для перевозок леса. Имеется и аэропорт — в основном для пассажирских перевозок.

Никольск расположен в излучине реки Юг в ее среднем течении, на 59 градусе 32 минуте северной широты, 45 градусе 28 минуте восточной долготы.

Из памятников старины сохранились и взяты под охрану Казанская церковь, ныне действующая, Сретенский собор в центре города — идет реставрация, дом садовода В. В. Спирина, ряд зданий больницы имени М. А. Перова, здание бывшей земской аптеки, здание бывшего духовного училища и ряд других.

Жилые благоустроенные дома в кирпичном исполнении двух и трех этажей составляют не более 10 процентов от всех жилых построек. Самое большое здание — хирургический корпус районной больницы.

Промышленность представлена ремонтно-механическими мастерскими и цехом переработки древесины леспромхоза, маслозаводом с современным оборудованием по расфасовке молока, кефира, масла, сметаны, творога, сыра; пищекомбинатом по производству кондитерских изделий, розливу напитков, минеральной воды и производству пива; небольшим мясокомбинатом, овчинно-шубным цехом, цехом по производству колбасных и кондитерских изделий райпотребсоюза; швейным производством.

Имеется ряд дорожных организаций, наиболее мощная из которых — ДРСУ, возглавляемая Мишеневым В. А. За последние годы ДРСУ имеет большие успехи. Район покрыт уже более чем на 200 километров асфальтированными дорогами, соединившими Никольск с десятью центрами сельсоветов, а также Вологдой и В. Устюгом, строится дорога на Шарью и железнодорожную станцию Кема.

Имеется также автотранспортное предприятие, обеспечивающее грузоперевозки и автобусное движение по городу, району и за его пределы, аэропорт с асфальтированной взлетной полосой, ряд строительных организаций и предприятий сельскохозяйственного назначения — агропромышленные, мелиорации, станция по ремонту и обслуживанию сельхозтехники, а также предприятия по энергетике, коммунальной и бытовой службе. В последнее время быстро растут коммерческие структуры. На начало 1995 года их уже зарегистрировано более полсотни.

Долгое время важную роль играла река Юг для перевозки грузов в весенне-весеннее время. Водой доставлялось в Никольск до 50000 тонн грузов. Сейчас по причине резкого удорожания перевозок водой и появления развитой дорожной сети водный путь потерял свою былую славу.

Основными занятиями были и остаются сельское хозяйство и лесозаготовки. Обращается большое внимание на переработку местного сырья. Предпринимаются меры по возрождению народных промыслов.

Из полезных ископаемых район богат известняками. Моренных глин, являющихся хорошим материалом для гончарного и кирпичного производства, только в окрестностях Никольска выявлено около 150 тысяч кубометров. Большие залежи торфа. Из артезианской скважины в Никольске льется минеральная вода. Решается вопрос о разработке в районе месторождений нефти и газа.

В Никольском районе живут и трудятся замечательные люди: трудолюбивые, простые и гостеприимные. Своим самоотверженным трудом на полях и фермах, в лесных делянках, на предприятиях и учреждениях они вносят свой вклад в укрепление могущества Родины.

Любовь к своему краю, к родной земле помогает никольчанам преодолевать трудности, связанные с отдаленностью района.

Никольск, являвшийся прежде центром огромного уезда, имеет немало интересного, характерного для него в своей истории. Здесь провел свои детские годы писатель-народник П. В. Засодимский, здесь отбывал ссылку демократ-публицист Н. В. Шелгунов, знаменитый путешественник Г. Н. Потанин, революционер А. П. Тайми.

Никольск — родина Героев Советского Союза Василия Михайловича Павлова, Василия Ивановича Баданина, Николая Алексеевича Пьянкова, генералов Александра Васильевича Кудринского, Анатолия Владимировича Бетехтина, Николая Матвеевича Ласкина и Григория Петровича Лешукова, докторов наук Михаила Павловича Казакова, Василия Александровича и Павла Александровича Сорокиных, профессора Евгения Андреевича Корепина и других. Маршал, дважды Герой Советского Союза Иван Степанович Конев в 1918—1919 г.г. был в Никольске уездным военкомом. Никольск — родина известного поэта Александра Яковлевича Яшина.

Как и прежде, город сохранил свои зеленые насаждения и сады, правильную планировку улиц и кварталов, свои живописные окрестности, он с трех сторон окружен рекой. Все это и очаровательная природа района привлекают сюда каждое лето сотни и тысячи отпускников, и пригородный аэропорт летом уплотненно работает.

Посетите наш маленький, но живописный городок на Северных Увах, на Юге-реке!

ГОРОД РОДНОЙ

Город Никольск, ты столетия помнишь,
Сильных людей и большие дела.
Сердце огромного в крае районища.
Бьешься, как конь закусив удила.

Мы от сохи, от соломенной крыши,
Только заря Октября занялась,
Смело в отряды Конева вышли
И отстояли народную власть.

Дали лесные, тропиночка узкая,
Реки, луга и поля —
Все это наша, истинно русская
Милая сердцу земля.

В скорбном молчанье хранят обелиски
Воннов вечные сны
В летопись нашу золотом вписаны
Судьбы героев войны.

Вдовы солдатские, горе осилив,
Слезы от детских прятали глаз
Руки их хлебом кормили Россию
В грозный для Родины час.

С родиной спаяны вечною силой
Общей судьбою, волей одной.
Если услышим — поют о России, —
Видим свой город родной

Счастья ключи не на дне океана.
Звонче, тальянки, рвите мехи!
Счастье — в руках, что орудуют кранами,
Пашут и сеют, и пишут стихи.

Все, что в боях и трудом завоевано,
Стало еще нам **родней и милей.**
Краше заморских курортов хваленых
Наше раздолье лесов и полей.

Струю серебрит Юг-река зачарованно,
Чайки кружат над волной,
Знаем: с **тебя начинается** Родина,
Добрый наш город родной!

НА СЕВЕРНЫХ УВАЛАХ

Край, расположенный в бассейне Северной Двины к северу от Волго-Северодвинского водораздела — «волока» — был известен в древнерусском государстве под названием Заволочье.

Водоразделом двух великих водных систем являются СЕВЕРНЫЕ УВАЛЫ, основные массивы которых раскинулись на территории современного Никольского района.

Первыми поселенцами на этой территории были племена чуди Заволочской. Старинные названия некоторых деревень явно напоминали об этих племенах. Еще в первой половине 17 века современная деревня Блудново (родина поэта Александра Яшина) имела название «Чуцкое дворище», деревня Скоково — «Старое чуцкое печище».

От центральных областей страны эта территория была отрезана на многие сотни верст дремучими лесами. Леса прерывались изредка небольшими полями и деревушками, расположенными, как правило, возле рек.

Новгородские ушкуйники были первыми пришельцами в этом крае, богатом пушниной и дичью, рыбой и ловчими птицами, диким медом и другими природными богатствами. Отсюда доставлялись меха для боярских шуб, различная снедь и медяные браги для княжеских столов.

С XII века Заволочье принадлежало Новгороду. Новгородцы крепко цеплялись за власть в этом богатом крае, неоднократно вступали в столкновения с войсками Московского княжества.

Бассейн реки Юг даже после того, как Вологда, Тотьма, Великий Устюг были под властью Москвы, еще долгие годы оставался в зависимости от Новгорода. Только в 1478 году все Заволочье, известное к тому времени под названием Двинская земля, перешло во владение великих князей московских.

Глухой и малоисследованный край из века в век был пристанищем для беглых крестьян из центральных областей страны. Недаром и сейчас еще сплошь и рядом бытуют старинные местные легенды о беглецах и разбойниках. Даже деревни Вахрамсево, Мелентьево, Борисово и Варламцево, являющиеся сейчас окраинами города Никольска, названы будто бы именами поселившихся здесь разбойников. Эти легенды не беспочвенные. Едва ли пойдут княжеские отряды ловить нескольких беглых холопов за многие сотни верст по дремучим лесам.

Более трех с половиной веков не видала войн река Юг. Ее окрестности никогда не сотрясались от взрывов бомб и снарядов, зато долго помнят здесь и из поколения в поколение передают о военных событиях в местном крае.

Еще во времена Василия I в 1409 году новгородский боярин Анфал Никитин перешел на сторону Москвы. Преследуемый сородичами, он отошел от Великого Устюга вверх по Югу, попытался двинуть свой отряд на Каму, но столкнулся с дружественными Новгороду вятчами и был разбит. Затем Анфал попал в татарский плен, бежал, атаманил с шайкой разбойников, имея до 250 судов, и в 1418 году был убит на Вятке одним из своих сподвижников. (Полное собрание Русских летописей, «Наука», 1982. Том 37, с. 38 и 40).

У нас же до сих пор сохранилось предание, будто Анфал остановился в верховьях Юга, здесь умер и похоронен в устье речки Анданги. Указывают на холм — место погребения.

Жива еще одна легенда о том, как жена Анфала, богатырь-баба, пришла в неистовство от смерти мужа и пошла напрямик от могилы к тракту, ломая все деревья с кронами на своем пути. Дорога от Анфаловой могилы на Шарьинский тракт до сих пор зовется «Бабьей».

Вряд ли есть необходимость отыскивать истинное место погребения новгородского боярина. Неоспоримо одно: военные столкновения за право владения Двинской землей в бассейне Юга носили серьезный характер, если о них помнит народ почти шесть столетий.

Много горя и лишений принесли нашему краю набеги и грабежи татар Казанского ханства, образовавшегося на Средней Волге в XV веке.

В территорию ханства входил на Северо-западе бассейн реки Вятки и устье Ветлуги, а истоки этих рек близко подходят к Югу. Поднимаясь по Ветлуге и Вятке, татары вторгались в Двинскую землю. Особенно привлекал их Великий Устюг — уже тогда богатый город.

В 1446 году хан Махмутек послал на Устюг отряд в 700 человек. Татары были отбиты устюжанами от города и отправились на лодках вверх по Югу, грабя окрестное население.

Московский князь Иван III в 1468 году двинул свои войска из Галича на землю Черемисскую. В отместку за это татары разорили верховья реки Юга, сожгли городок Кичменьгу.

Набеги татар были опустошительны и беспримерны по своей жестокости. Занимаясь работорговлей, татары продавали пленных в далекие страны, а лучших наций северных красавиц отправляли в ханский гарем.

Для защиты от внешних врагов на случай внезапного их нападения население строило свои опорные пункты — «городки» или «городища», которые обносились глубоким рвом и деревянной стеной. Они строились, как правило, в устьях больших притоков реки Юга: Лузы, Пушмы, Кичменьги, Кипшеньги и др.

На первой карте Московского государства «Большой чертеж», составленной в 16 веке, по реке Югу значится шесть таких городков: Сосновец, Орловец, Осиновец, Кичменгский городок, Халезец и Березов.

На территории района в нынешних его границах было два городка: Халезец и Березов. Первый из них — близ устья реки Кипшеньги, на месте кладбища Староегорьевской церкви.

Городок Березов находился на реке Шарженьге, около церквей бывшего Березовского погоста в деревне Аргуново.

Во время польского нашествия в 1613 году интервенты подончили к Великому Устюгу, но были отбиты и отступили на реку Юг. Как сообщает устюгская летопись, «гнали ляхов до галических земель 300 поприщ» (верст). Но при этом поляки успели овладеть городком Халезец и разрушить его укрепления.

Немного сохранилось документов о глубокой старине на территории Никольского района.

Некоторое представление о положении народа в 17 веке дают «писцовые книги» — материалы переписей, проводившихся по распоряжению русских царей и имевших, в основном, цель взыскания налогов с населения (Переписи 1626—1628 и 1677—1680 г.г.). Крестьяне этого края, входившего тогда в состав Устюгской провинции, были приписаны к царскому двору и назывались «тягловыми великими государей крестьянами». Население Кемской волости, входившей в состав галических земель, относилось к числу черносошных (государственных) крестьян. Некоторые кемские деревни принадлежали помещикам.

Налогов было очень много: «с вытей великих государей оброку и наместнич доход... дани ямских и приметных денег и за городовое, и за засечное, и за жемчужное дело, и соколья оброку, и казначеевых, и дьячих, и поддьячих, и кормовых, и приветчиковых пошлин...»

Размеры налогов все возрастали. С Шарженьгской волости, например, по первой переписи взыскивалось оброку 45 рублей, 24 алтына с полденьгою, а при второй переписи сумма налога возросла более чем вдвое — на 47 рублей, 11 алтын, 3 деньги. В волости было 28 деревень, 94 двора, жителей всего 249 человек.

По современному сумма налога ничтожно мала, но тогда ложилась тяжким бременем на плечи народа. Деньги были чрезвычайно дороги. Налоги иногда исчислялись с точностью до одной двенадцатой доли деньги (деньга — полкопейки).

Не имея возможности рассчитаться с налогами, крестьяне покидали свои дома, уходили в лес и заводили новые поселения — «починки».

Беглые крестьяне из других территорий, не имевшие своего хозяйства, вынуждены были идти к крестьянам-старожилам в половники, т. е. работать за половину урожая. Крестьяне деревень Чернино, Есипово и Оксилово были половниками Троицкого монастыря, что под Устюгом.

В 1680 году на территории нынешнего Никольского района было 106 деревень, в них 537 дворов и около 1450 жителей.

Судьбу Никольска, ставшего в последствии уездным центром, определило его географическое положение. Река Юг до этих мест в период весеннего паводка пригодна для перевозки грузов водным путем. Недалеко отсюда расположены верховья рек Волжского бассейна (Ветлуга, притоки Вятки).

Село Никольское, построенное русскими, согласно преданию, еще в начале 15 века, служило перевалочной базой и пристанью при перевозке товаров из южных областей в Архангельск. Естественно, здесь развивалась торговля.

В 1780 году в России образовались новые губернии и уезды, в том числе и Никольский уезд Велико-Устюгской области (с 1802 года — Вологодской губернии).

16 августа 1780 года село Никольское было объявлено городом, уездным центром. Окрестные деревни Вахрамеево, Мелентьево, Борисово и Варламцево были присоединены к городу. Крестьяне этих деревень с тех пор стали именоваться мещанами, хотя практически в их жизни никаких изменений не произошло. Они платили те же налоги, отбывали повинности, обрабатывали ту же землю, которая находилась во владении крестьянской общины и подвергалась периодическим переделам.

В первый период Никольск имел большое значение, как пристань на реке Юг. Зимой строились барки, а весной они загружались хлебом, льном, мясом и дичью, щетиной, смолой и другими местными продуктами и сырьем, и в паводок сплавлялись по Югу и Северной Двине.

В 1894 году с Никольской пристани было вывезено 532 тысячи пудов различных грузов.

С постройкой железных дорог грузооборот Никольской пристани постепенно падает.

Население города росло медленно. В 1848 году в Никольске было 1155 жителей, а к 1896 году, т. е. почти через полвека — 2061. Основную массу городского населения составляли купцы и служители церкви с их семьями, а также лица дворянского сословия (беспоместное дворянство).

Промышленность в городе не развивалась, поэтому не было рабочего класса, кроме малочисленной группы кустарей и ремесленников. Владельцы города во славу свою давали названия улицам города. Нынешняя Коммунистическая улица вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции именовалась Купеческой, главная улица города — Советская — называлась Миллинной, улица Ленина — Большой Дворянской, а улица Карла Маркса — Малой Дворянской.

Характерно, что в таком маленьком городишке было много купцов. Многие из них владели солидными капиталами.

Самым богатым был купец первой гильдии Рыжков А. П., имевший в городе более полусотни домовладений.

Старое здание леспромхоза — дом купца Цибасова. В втором этаже полукилометрового здания (теперь библиотека) жил купец и подрядчик Шумилов. В нижнем этаже, за толстыми каменными стенами с железными ставнями на окнах, размещались его магазины, а громадный, тоже кирпичный подвал, предназначался для складирования товаров.

Пановы, Поповы, Сорокины, устюгские купцы Истомины и Кузнецова, еврей Фромзель и татарин Султан Гирим Музафаров — откуда только не стекались в Никольск любители нажиться на торговле. И это только в городе. А сколько торговцев было в деревнях!

Купцы с солидным капиталом оседали в наиболее крупных селах, таких как Кич.-Городок, Вожма, Подосиновец, Аргуново, Кема.

Мелкие торговцы были везде. В 1907 году в уезде было 495 частных лавок.

Набитые товаром купеческие лавки удовлетворяли запросы и приходили лиц привилегированных сословий. Попады и поповы дочери, купчихи, дамы и барышни из семейства исправника, полицейского и уездного чиновника проводили дни в выборе товаров, справляя себе модные обновки.

Средний и бедный крестьянин, составляющие основную часть населения уезда, не имели возможности покупать промышленные товары. Да и где было взять крестьянину деньги, если он ничего не мог продавать, кроме сельскохозяйственных продуктов, основными из которых были хлеб и лен. Хлеб же был дешев.

Один местный поэт-самоучка того времени с юмором отмечал, что весь крестьянский товар на никольском рынке — это глиняная посуда, лапти да вар.

Ну и рынок, ей же, ей!

Нар девять весится лаптей.

Много всякого товару:

Кому шило, кому вару.

В базарные дни рядом с крестьянскими продуктами и предметами ремесла купцы раскидывали свои палатки с галантереей, мануфактурой, посудой и хозяйственными товарами, лотки с пирожками, кренделями и прочей снедью. Крестьянин, приехавший на базар за сто верст продать мешок жита, барана или кросна домотканой пестряди, после добной чарки сивухи за час успевал истратить всю свою выручку и возвращался домой с какими-нибудь безделушками да связкой калачей.

В конце прошлого века из 2 тысяч человек населения города 270 было духовного сословия. В уезде было 87 церквей, а служителей культа, вместе с их чадами и домочадцами — 1879. В городе с таким небольшим населением было три церкви. Трезвон колоколов, особенно в престольные праздники, был неимоверный. Хотя в каждой волости было не по одной церкви, в большие праздники верующие шли молиться в город. Отшагав многие десятки верст босиком или в лаптях, они у церковной ограды или на паперти обувались в сапоги, полусапожки, башмаки... Толпы нищих и калек стекались к церкви в надежде на исцеление и обильные подаяния, но чудес исцеления не бывало.

В конце 19 века сделан снимок города Никольска, вид с соборной колокольни. Два главные здания определяют облик города и довлеют над всеми остальными постройками: на переднем плане дом полицейской управы и казначейства; за ним возвышается купол Казанской церкви.

Такую же картину нарисовал в своих воспоминаниях один из политических ссыльных А. П. Тайми: «Не знаю, за какие достоинства Никольск именовался городом. Здесь было всего лишь две улицы, да еще несколько десятков домов, стоявших врассыпную. Полицейское управление, тюрьма, две лавки и церковь — вот и все «учреждения». Даже трактира не было».

* * *

Однако, Никольск был центром громадного уезда, превосходившего по своей территории, например, целое государство Западной Европы — Нидерланды — или Ярославскую область нашей страны. Площадь уезда составляла 36874 квадратных километра.

По переписи 1912—1913 г.г. в уезде было 2600 селений, 297074 жителя.

Бывший Никольский уезд включал в себя территорию нынешнего Никольского района, Кичменгско-Городецкого и часть Бабушкинского районов Вологодской области, Павинского и Вожомского Костромской области, Подосиновского, Черновского с железнодорожными станциями Пинюг и Опарино — Кировской области.

На всей этой огромной территории уезда преобладала бедность, полунатуральный способ ведения хозяйства, чрезвычайно бедно оснащенного орудиями производства.

Вот какой сельскохозяйственный инвентарь имел Никольский уезд накануне первой мировой войны: косуль 19720, сох 16413, плугов 16519, борон 32711.** Это более, чем на сорок пять тысяч крестьянских хозяйств.

Только трудолюбием никольских крестьян можно объяснить тот факт, что уезд был самым хлебным в губернии. Заниматься чем-либо другим, кроме полевых работ и сенокоса, в летние погожие дни считалось самым зазорным делом.

х| Тайми А. Страницы пережитого. Петрозаводск, Госиздат Карело-Финской ССР, 1949, стр. 92.

хх| «Никольский уезд Северо-Двинской губернии». Вологда, 1920. (изд. Бюро кооперат. статистики Волог. Центр. О-ва сельского х-ва, стр. 49—50.)

Бедняки, если нужда не позволяла работать на своей полосе, шли в наем к кулаку, чтобы заработать скучное пропитание для семьи или отработать долг, а потом, в поздние сроки, обрабатывать свою землю.

Основной сельскохозяйственной культурой, лучше других произраставшей на никольских полях, являлась рожь. Не случайно гербом города Никольска было позолоченное изображение ржаного суслона на фоне зеленого бархатного поля. Из 135212 десятин па-

хотной земли в 1896 году рожью засевалось 39210 десятин. В среднем в дореволюционные годы посевы ржи составляли 41 процент всей посевной площади, овса — 35,5 процента. Третье место занимали посевы льна, составлявшего основную товарную продукцию полеводства. Уже в начале 19 века лен из Никольского уезда под названием «южского» был широко известен как один из лучших сортов. 67,5 процента льнопродукции шло на продажу. На ткацких станках, имевшихся почти в каждом хозяйстве, деревенские мастерицы умели кроме грубых холстов очень искусно изготавливать тонкие, прочные и красивые льняные ткани: полотна, пестряди, полотенца и прочее.

Лучше всего лен рос на подсеках — «новинах».

Политая крестьянским потом никольская земля неплохо окупала труд земледельца. Уезд был одним из сильных как по полеводству, так и по животноводству не только по Вологодской губернии, но и значительно шире. За все годы он давал товарную продукцию зерна, льна, мяса и некоторых других продуктов. Но при этом нельзя не учитывать классовое расслоение, неравномерность распределения богатства среди населения. В то время, как у зажиточных крестьян имелись излишки хлеба, скота, бедняк часто не имел их вовсе. По данным официальной статистики, к концу первого десятилетия XX века из 46555 хозяйств в уезде 1543 не имели вовсе никакого скота, а 2119 было бескоровных.

х | «Никольский уезд Северо-Двинской губернии». Стр. 71—72.)

К тому же зерно и другие сельскохозяйственные продукты на рынке были сравнительно дешевы и не давали больших доходов. Промыслы были развиты слабо.

От продажи продуктов полеводства и животноводства годовой денежный доход на душу населения в 1912 году по уезду составлял 15 рублей. Это средние статистические данные. Бедняцкие хозяйства почти ничего не продавали.

Продажа сельскохозяйственных продуктов для никольского крестьянина не давала существенных доходов при сравнительной дорогоизнне товаров промышленных. Крестьянин вел полунатуральное хозяйство, почти все необходимые для жизни предметы и продукты питания производил сам.

Не только в обычные дни, но в большинстве и по праздникам крестьяне носили домотканое белье и верхнюю одежду, а в составе пищи большую долю составляли грибы, ягоды, картофель, редька, капуста. Нетрудно было соблюдать посты, когда постная пища была основной. В среднем на пищу каждого жителя никольской деревни в 1912 году расходовалось 6,8 пуда картофеля,

1,4 пуда грибов и ягод, 1,8 пуда корнеплодов, 16,4 фунта лука, 0,12 ведра и 1,5 кочана капусты, и две штуки огурцов. Из животноводческой продукции более всего употреблялось молоко — в среднем 10,4 пуда на человека.

Чрезвычайно слабо было поставлено медицинское обслуживание населения. В первый период в узде на всей его громадной территории не было ни одного врача. Фельдшерские пункты в селах Подосиновец, Вознесенье и деревне Родюкино, больница в городе на 6 коек — вот и вся сеть лечебных учреждений. Медицинский персонал состоял из 5 фельдшеров и 26 оспопрививателей.

Эпидемии инфекционных заболеваний, острых и хронических, (тифа, скарлатины, туберкулеза, гриппа) уносили сотни человеческих жизней. Особенно смерть косила детей. Заболевания кишечными инфекциями, дифтерией, корью и коклюшем при отсутствии правильного лечения очень часто кончались смертельным исходом. Страшным бичом была оспа.

Как известно, все записи о рождении и смерти вела церковь. Вот записи Староегорьевской церкви Кипшеньгской волости. В 844 году в деревнях этого прихода родилось 56 человек, а умерло 63, из них от черной оспы — 45.

Слабость медицинского обслуживания и отсутствие лекарств (не было и аптеки) вынуждали людей бороться с болезнями своими силами, прибегать к помощи местных захарок, повитух, зачастую не имеющих представления о медицине.

Среди местных врачевателей лишь очень и очень немногие знали секреты народной медицины и с помощью настоев из различных трав оказывали положительное действие на здоровье больного. Они знали много местных растений, содержащих в себе лекарственные вещества от различных болезней, сроки их изготовления и методы применения. Но такие были редкостным исключением.

Очень медленно улучшается медицинское обслуживание населения и после организации земских учреждений. Расширяется с 6 до 20 коек уездная больница. Фельдшерские пункты в селах Подосиновец и Вознесенье преобразуются в больницы: в них организуются стационары по 10 коек. Врачей там еще не было. В 1880 году в уезде было два врача, в 1890 — три.

Такая мизерная сеть медицинских учреждений с единицами персонала, конечно, не могла справиться с задачами организации здравоохранения на громадной территории. Так, в первом участке от Никольской больницы было только два фельдшерских пункта на селе (Березниковский и Подболотный). А население

этого участка в 1890 году составляло 49376 человек. Потому-то и рожали на дому, потому и умирали без медицинского при-смотра —за сотни верст больного по тряской дороге не повезешь.

В 1890 году уезд разделен на три врачебные участка. Никольским участком стал заведовать врач М. А. Перов. Он энергично взялся за организацию здравоохранения. По его проекту и под его руководством в 1892—1893 гг. было построено двухэтажное здание больницы, а затем и второй больничный корпус. В тот же период открываются фельдшерские пункты в Кеме, Аргунове, Пермасе, Завражье.

М. А. Перов был не только хороший организатор, но и лучший специалист по врачебной работе. Но в обращении с народом он был груб. В молодости Перов был связан с революционным движением, но отошел от него и женился на дочери винозаводчика с большим наследством.

К моменту крушения царизма в России на весь громадный Никольский уезд, равный по территории, примерно семи таким районам, как ныне Никольский, было всего семь больниц, имеющих в штате врачей, один врачебный участок без больницы, 17 фельдшерских пунктов, 8 окушерок и 8 оспопрививательниц.

По уровню развития культуры Никольский уезд был один из самых отсталых.

Вдали от железных дорог никольский крестьянин не имел представления об элементарных предметах культурного обихода. Долгие вечера сидели с луchinой, а кой-где имевшиеся лампы зажигал сам хозяин дома по праздникам, да для гостей. Даже самовар в деревне был редкостью. Владелец самовара кипятил его лишь по праздникам и приглашал на чаепитие, как на торжественную церемонию, родственников и соседей. Несколько граммофонов имели только городские представители уездной власти, да съимые богатые в деревне.

В некоторых волостях, например, Кемской совсем не было бань. Мылись прямо в избе, предварительно залезая париться в русскую печь.

После революции 1905 года, как величайшая редкость, стали появляться велосипеды. И если какой-нибудь городской приказчик проносился на «самокате» по деревне, бабы откращивались от него, как от нечистой силы.

Царское правительство не заботилось о развитии народного образования. Даже после того, как Никольск стал уездным центром, еще более полувека на всей громадной территории уезда не было ни одной школы, а публичная библиотека, доступная народу, открылась почти через 100 лет после основания города.

Первым учебным заведением в городе и уезде было Никольское духовное училище, открытое в 1822 году. Доступ в него имели только дети церковного клира.

Доступные для народа школы в Никольске и уезде стали открываться еще позже. На содержание этих школ средств не отпускалось, и они содержались за счет особого налога с населения.

Первая сельская школа открылась в деревне Аргуново, при волостном правлении, в 1841 году. Через три года открылась школа в деревне Байдарово.

Открытие школ к тому времени стало насущной потребностью, вызывалось жизнью, нуждами развивающейся промышленности.

Стали открываться церковно - приходские школы. Основное внимание при обучении в них крестьянских детей уделялось зуржке «Закона божьего». В 1870 году на территории нынешнего района церковно-приходских школ числилось только три: Нижне-Кемская, Кипшеньгская, Староегорьевская. В докладе Земскому собранию в том году говорилось: «Большинство школ при церквях существует только в отчетах, на бумаге, а в действительности их нет».

В городе первое учебное заведение, доступное для детей трудящихся, — приходское училище с двухгодичным сроком обучения открылось в 1837 году.

Вопросу женского образования долгие годы не уделялось внимания. Крестьянские девочки вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции и не помышляли о том, что они имеют сейчас для своего образования. Первая женская начальная школа была открыта в Никольске на средства земской управы в 1875 году. Учиться в женской гимназии и гордо называть себя гимназистками могли только дети из богатых семей города, уездного и волостного начальства. Простые крестьянские девочки этой возможности не имели.

В 1890 году в деревнях нынешнего Никольского района было 4 земских школы, в них обучалось 211 мальчиков и 20 девочек. В 7 церковно-приходских школах было 192 мальчика 22 девочки.

Продвинуть вперед дело народного образования и здравоохранения пыталась земская управа, организованная в Никольске в 1870 году. Среди земских деятелей и работников народного просвещения отдельные люди, преданные делу народа, готовы были ему служить верой и правдой.

Так, инспектор народных училищ Колобанов разработал и пытался через земство провести в жизнь план всеобщего начального образования в уезде, но из этого ничего не вышло.

Земство не могло провести в жизнь каких-либо радикальных мер по народному образованию, как и по другим вопросам. Это признавали даже сами земские деятели. Секретарь уездной земской управы, сетуя на то, как мало сделало земство, видел причинами этого отсутствие нужных средств, ограниченность в правах и оторванность земства от народа. Что же касается общего образования, то до этого в уезде было бесконечно далеко. Из общего количества населения, начиная с семилетнего возраста, в 1912 году грамотных мужчин было 43,5 процента грамотных женщин — 5,7 процента.

Это средние цифры по уезду. За ними кроются еще более мрачные картины с делом народного образования в отдаленных волостях. Так, в Подболотной волости к тому времени было только 29,5 процента грамотных мужчин, а грамотных женщин всего 0,8 процента. То есть буквально единицы. Трудовой люд Никольского уезда был полуграмотным и суеверным. Об учреждениях культуры и понятия не имели. Всей духовной жизнью правила церковь. Тем, кто не нашел утешения в религии, оставалась одна дорога — в кабак. Эти заведения были в почете у властей. На территории уезда было 84 кабака. Их снабжали сивухой три винных завода, из них один в городе, производительностью 17500 ведер в год.

Виннозаводчики получали баснословные прибыли. На барыши от винторговли был построен кирпичный дом Ильина (здание, где размещается ныне районное управление сельского хозяйства). А это не единственный дом бывшего виннозаводчика.

Деревенские праздники были заполнены церковными обрядами или повальным пьянством. Соединяясь большими группами (братчками) — до десяти и более хозяйств, крестьяне сотни пудов зерна перегоняли на пиво. Редкий праздник проходил без драк, зачастую массовых. Шли деревня на деревню, в ход пускали колья, ножи, кистени... Без жертв в таких случаях не обходилось.

Было и хорошее, истинно народное. Веселые народные зимние катания в масленицу. Беседки и игрища, когда искрится задорная, задиристая с юмором частушка, иногда сложенная тут же, с ходу. Величаво, с достоинством ведут пляску девушки, отчаянно отбивая дробь парни.

Но нигде, наверно, не проявлялись так народные традиции, как в свадебных обрядах с их тысяцкими и дружками, свадебны-

ми песнями. Степенно и с достоинством ведут себя молодые, понимая важность события, как начала новой жизни: священно-действуют подруги невесты, провожая ее в далекий жизненный путь и песнями прощаясь с ней:

Любые вы подруженьки,
Сходите вы во леса-то во темные.
Сострогните, подруженьки,
Три стружечка сосновые.
Сделайте, подруженьки,
Лодочку легкую,
В этой лодочке поплынет честная девичья красота
Вниз по Югу — по батюшке,
Да во Сухону — матушку,
Во Двину во широкую,
Во моря во глубокие.

В летние вечера молодежь на улице затевала игры. Но это были лишь эпизоды в трудной жизни крестьянина. В долгие зимние вечера, когда пересказывали все сказки и бывалицы, сознание из сказочных заморских стран снова и снова возвращалось к обычным нуждам и заботам: как прятнуть до нового урожая, как сколотить деньги на лошадь, сброву, налоги, как обуть и одеть подрастающих детей. А долг еще висит камнем на шее. Подождет ли прижимистый скопидом—сосед? И как разбогатеть, если не воровать и не грабить?

С такими думами сходились мужики и садились за карты. В игре закладывали все: лошадь и овцу, меру зерна, одежонку. Ставили на кон последнюю шапку с головы.

Целые столетия однообразно текла жизнь в захолустном крае, отрезанном глухими дремучими лесами от железных дорог и рабочих центров, от общественной жизни. Не случайно царские власти определили Никольск местом политической ссылки.

Одним из видных политических ссыльных, о пребывании которого в Никольске имеются весьма подробные сведения, является публицист — демократ, общественный деятель и философ Н. В. Шелгунов (1824 — 1891).

В Никольске отбывал ссылку Григорий Николаевич Потанин (1835—1920) — выдающийся русский путешественник, географ и этнограф. Г. Н. Потанин являлся одним из организаторов кружка томской молодежи, членов которого объединяла борьба за экономический и культурный подъем Сибири. Царское правительство увидело революционную струю в этом движении, арестовало членов кружка, обвинив их в стремлении отделить Сибирь от России.

Потанин взял на себя всю вину, и как главный «злоумышленник» был приговорен к 15 годам каторги, потом замененных ссылкой.

К месту ссылки в г. Никольск Г. Н. Потанин был доставлен по этапу, в кандалах, в конце 1871 года и пробыл здесь до весны 1874 года. За это время на три месяца переводился в г. Тотьму.

Первую же ночь пришлось переночевать в каталажке — арестантском помещении полицейской управы. Назавтра его определили «на постой» к местному городовому, где нашлось на кухне место, чтобы поставить кровать. Под надзорному ссыльному запрещалось куда-либо отлучаться и печатать свои работы в газетах и журналах. Только 22 марта 1873 года по настойчивому ходатайству ученых пришло «соизволение ему, Потанину, отлучек для изысканий в плане императорского русского Географического общества».

Не имея средств на жизнь, кроме скучного казенного содержания, Потанин прирабатывал тем, что писал различные прошения крестьянам. Для исследователя и это общение с народом не проходило даром. Он подробно расспрашивал своих собеседников обо всем, что его интересовало, очень внимательно наблюдая жизнь. Даже переход в кандалах из Никольска в Тотьму он максимально использовал для своих наблюдений и написал затем свои «Этнографические заметки на пути от города Никольска до г. Тотьмы», которые были впоследствии (в 1899 году) опубликованы в журнале «Живая старина». Как результат большого и кропотливого труда по изучению экономики и культуры края, явились большая статья Г. Н. Потанина «Никольский уезд и его жители».

Григорий Николаевич собрал большой этнографический материал о Никольском уезде, обычаях, нравах, культуре, записал произведения фольклора, пословицы, поговорки, прибаутки, бытовающие в те годы среди местного населения. Он собрал в окрестностях Никольска большую коллекцию минералов и составил гербарий из 238 местных растений. Эти экспонаты долго хранились в местном краеведческом музее, после ликвидации музея были утеряны, уцелела только часть гербария.

В трудной и будничной жизни бывали иногда и праздничные дни. Это случалось во время встреч с друзьями и передовыми людьми того времени, случайно оказавшимися в Никольске. Такими радостными днями была встреча с геологом Б.К. Полено-вым, вместе с которыми они обследуют геологическое строение берегов реки Юг. Результатом этих работ явились работы Полено-ва «Геологические наблюдения по реке Югу», опубликованная в 1888 году.

Подлинной радостью была встреча Потанина с Чолканом Валихановым, давнишним его другом, казахским этнографом, историком.

Сестра политического ссыльного в Никольске — студента Казанского университета и редактора «Камско-Волжской газеты» Константина Лаврского, Александра Викторовна, приезжавшая в ссылку к брату, подружилась с Потаниным и затем стала его женой, неизменной спутницей и помощницей в его путешествиях.

Познакомившись в Никольске с преподавателем русского языка Иваном Степановичем Кубасовым, Потанин нашел у него интересное собрание книг. Оставаясь очень близким человеком в семье Кубасовых до конца ссылки, Потанин привлек своего знакомого к активной краеведческой работе. Он убедил также Кубасова сделать свою библиотеку народной, доступной для всех трудящихся. Кубасов согласился, внес предложение в земскую управу, и в 1874 году в Никольске открылась публичная библиотека, теперь районная библиотека имени Г. Н. Потанина. Переписку с Кубасовым Г. Н. Потанин вел и после освобождения из Никольска, в долгие годы своих путешествий. Эти письма найдены в 1949 году и переданы в Академию наук СССР.

Хорошие дела не забывает народ. Прошло более 180 лет, а имя Г. Н. Потанина помнят и с уважением произносят в Никольске

СТРАНИЦЫ ЛЕТОПИСИ

В НАЧАЛЕ...

Что было в нашей излучине Юга до того, как Никольск был объявлен городом? В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрана сказано: «Согласно преданию, на месте города существовало два села: Старо и Новоникольское, построенные в начале XV столетия и долго служившие местом поселения для выходцев из других частей России». (Энциклопедический словарь С.-Петербург, 1897. Том XXI. Стр. 136—137).

ГОД 1399.

Это было время борьбы за наши земли (устюгские, двинские) между Москвой и Новгородом. Выдающийся русский писатель и историк Н. М. Карамзин так описывает один из походов новгородцев:

«Посадник Тимофей Юрьевич, предводительствуя осмью тысячами воинов, обратил в пепел старый Белозерск, а жители нового откупились шестидесятью рублями. Разорив богатыя волости Кубенские близ Вологды, новгородцы три недели без успеха осаждали Гледен, сожгли посады Устюга, даже Соборную в нем церковь. Войско разделилось: 3000 пошли к Галичу грабить и пленить людей; 5000, вступив в Двинскую землю, осадили крепость Орлец, где заключился наместник великокняжеский с Двинскими новгородскими воеводами, которые предались к государю Московскому. Нападали и оборонялись с равным усилием близ месяца, наконец, осажденные вынуждены были сдаться: чем решилась судьба всех Двинских областей.

Посадник Тимофей Юрьевич в одной руке держал меч казни для изменников, в другой, милостливую грамоту для жителей, готовых раскаться..., оковал цепями главного Двинского воеводу, новгородского боярина Иоанна с братьями Айфалом, Герасимом и Родионом; Великокняжеского наместника Федора Ростовского, отняв у него казну, отпустил к государю со всеми людьми воинскими; обложил московских купцов тремя стами рублей, а Двинских жителей двумя тысячами; взял у них еще 3000 коней и возвратился с торжеством в Новгород. Окованные изменники были представлены народу: Иоанна скинули с моста в Волхов, братья его Герасим и Родион постриглись в монахи с дозволения архиепископа и граждан; Айфал ушел с дороги».

(Карамзин Н. М. История государства Российского. СПБ, издание Евг. Евдокимова, 1892. Том 5, стр. 99—100).

Наша местность тогда относилась к Двинской Земле, к Устюгу Великому. Гледен — укрепление возле Устюга. Орлец — тоже укрепление в районе современного Подосиновца. Брат Двинского воеводы новгородский боярин Айфал в летописях упоминается как Анфал.

ГОД 1409

В Устюге в те годы велась летопись. В ней за 1409 год есть такая запись: «Того же лета Анфал Никитин ходил с вятчаны на болгары, а там одолеша татарове и во Орду свели» (Устюгский летописный сход. Архангелогородский летописец. Поп. к печати и ред. К. Н. Сербинои. М.-Л., АН СССР, 1950, стр. 70)

Итак, Анфал совместно с вятчанами, что жили на Оке, пошел на волжскокамских булгар, завоеванных уже тогда монголами, и попал в плен. А вот, что пишет об этом Н. М. Карамзин:

«Рать Московская без объявления войны вступила в Двинскую Землю, будучи предводима Новгородскими изменниками Айфалом и его братом Герасимом расстрою, ушедшим из монастыря; они пленили Двинского посадника, многих бояр и везде грабили без милосердия, но разбиты в Колмогорах, оставили пленников и бежали. (Сей мятежник Айфал.., разбойничал после на Каме и Волге, имел у себя 250 судов; был в плену у татар и наконец убит на Вятке Михаилом Разсохиным, подобным ему беглецом Новгородским).

Карамзин Н. М. (История государства Российского. Том 5, стр. 112).

Убит на Вятке. Трудно гадать, действительно ли на холме, расположеннем около дороги на Дунилово, неподалеку от устья С. Анданги, где велись когда-то раскопки, находится могила Айфала. Но следует заметить, что приток реки Вятки Молома свой исток берет очень близко от реки Юг.

ГОД 1462

Обратимся снова к Устюгской летописи: «Того же лета послал князь великий Иван Васильевич рать на черемису, воевод своих Бориса Кожонова да Бориса Слепаго, а с ними устюжане, да вологжане, да галичяне. А шли воеводы мимо Устюга к Вятке, а по Вятке вниз, а по Каме вверх в Великую Пермь.

Того же лета рать черемиская с татары козаньскими приходили на Устюгский уезд, на верх Югу реки, на волость на Лоху, повоевали, в полон повели много русских голов. А устюжане ходили за ними в погоню; сгнав их, побили всех, а полон назад отполонили весь» (Полное собрание Русских летописей «Наука», 1982. Том 37, стр. 90).

Итак, из волости Лоха татары взяли в плен много русских. Это дает основание сказать, что уже в середине 15 века территории нынешних Байдаровского, Кумбисерского сельсоветов и ближайших к ним местностей по реке Юг были значительно заселены.

Упоминается Лоха, но не говорится о Никольской слободе. Следует ли из этого, что на территории Никольска не было тогда поселения? Кажется, такой вывод был бы преждевременным. Необходимы дальнейшие поиски, исследования наших краеведов.

ГОД 1468

«В лето 6976 месяца, февраль в 15 день сплошной недели, за неделю до великого до мясного заговенья вечер святого Анисима город Устюг, кремль весь сгорел, а люди избыли. Того же лета приходили татарове казанские ратью на Устюгский уезд на верх Югу реки, да взяли городок Кичменгу и огнем сожгли и людьми». (Там же, стр. 86)

Год 6976 соответствует 1468 году современного летоисчисления.

350 ЛЕТ НАЗАД

В 1960 году в издательстве академии наук СССР вышла книга «Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век)». Авторы ее Мерзон А. Ц. и Тихонов Ю. А.

Книга эта изобилует фактами и цифрами, опираясь на подлинные исторические документы (материалы переписей, приказные дела старых лет и др.) и проливает многие стороны на свет жизни нашего края в XVII столетии.

На территории нашего района в книге упоминаются три волости: Никольская Слобода, Халезская и Шарженгская. По реке Юг были еще Кичменгская, Ентайская и Подосиновская волости. Все вместе они именуются Южскими волостями, входившими в состав Устюжского уезда с центром в городе Устюг.

В основном с целью полного взыскания налогов в государеву казну проводились переписи населения. В 1623—1626 г.г. г. Устюг и уезд описали Никита Вышеславцев и подьячий Аггей Федоров. Перепись 1646 года вели стольник князь Ив. Ромодановский и подьячий И. Редриков.

Переписчики беззастенчиво использовали свое положение в целях личной наживы. Доведенные до безысходного отчаяния вымогательством писцов, люди находят своих грамотеев и пишут челобитную самому государю.

В связи с непомерными требованиями Вышеславцева и Федорова, «просивших посулы и поминки великие, — пишут устюжане о них, — делали не по твоему государеву указу».

Писцы, сказано в челобитной 1643 года, писали «средние земли (в добрые), а плохие в средние земли, и новинные одноклебные причисти (т. е. подсеку), и лесы, и мокрые болота, и бобровые и подморинные и непашенные места с полевыми ж землями в ряд». (Акты «писцовые дела», т. 2, вып. 1, М 1917, стр 395)

В 1623—1626 годах в Устюжском уезде было 2410 деревень. Но они были очень маленькими. В среднем на одну деревню приходилось 2,6 двора.

Никольская Слобода находилась в 162 верстах от уездного центра. Другие волости, например, Шарженгская «от Устюга поудалели верст на двести и больши».

«В летни, государь, время из многих волостей конского проезду не живет за безмерными болотами», — писал в 1646 году об уезде направленный сюда для сыска беглых крестьян дворянин Лев Минулин.

Уже в середине XVII века значительное развитие получила торговля. За 1633—1650 годы зарегистрировано торгующих из волости Никольская Слободка 27 человек, из Халезской — 146, из Шарженской — 2, Кичменгской — 114, Ентальской — 98, Подосиновской — 33 человека.

Крестьянин Халезской волости Третьяк Леонтьев Селяков в 1634 году возил продавать 400 мер ржи и 2,5 меры пшеницы (свое и «прикупное» зерно). В 1636 году он поехал в Холмогоры, имея 100 мер купленной ржи. (Мера 26,24 литра).

Селяков занимался также скупкой и перепродажей мехов. По числу шкурок на первом месте была белка. Шли на рынок и шкурки горностая, куницы, выдры, норки, рыси, волка, лисицы, зайца,

Меха поставляли на рынок главным образом волости, расположенные по реке Югу. В С.-Двинских и Сухонских станах и волостях уже в тот период мехов добывалось мало.

Отмечен привоз свежей рыбы на рынок Устюга с берегов С.-Двины и Юга (Халезская волость), Сухоны и Лузы.

Крупное экономическое значение волостей, лежащих по реке Югу, в первую очередь определялось хлебными богатствами этого района. Массив пахотных земель был весьма значительным. Особенно плодородными были прибрежные районы Юга. По количеству зерна, поставляемого на рынок Устюга, группа Южских волостей занимала первое место. Скотоводческое хозяйство здесь также получило значительное развитие. Из числа предметов крестьянской промышленности с Юга шли ткани домашней работы, кафтаны, овчинные шубы.

Продавцов крупных партий зерна больше всего было из Кичменгской волости, затем из Халезской (Кипшеньги), Подосиновской, Пушенской, Утманской, Енталльской.

Самым крупным скопщиком зерна был Яков Иванов Островский. В 1675 году, например, он купил 1078 мер ржи за 215 руб. 16 алтын 4 деньги, а продал голландцу Еремею Травалу за 323 рубля 18 алтын 2 деньги (50,5 проц. прибыли). («Рынок Устюга Великого», стр. 544).

Оживленные торговые сношения существовали между Устюгом и районами, расположенными в бассейнах рек Ветлуги и Унжи, входивших в состав Галицкого уезда. Вслед за жителями Устюжского уезда никакой другой район не направлял в Устюг столько товаров, сколько их было из Ветлужско-Унженских волостей.

С Ветлуги приезжали в зимние месяцы и ранней весной по сухопутью. Унжане, кроме того, прибывали на лодках и плотах по реке Югу, который расположен недалеко от верхней Унжи (Кема). Унжане фигурируют как участники больших рыночных операций по продаже хлеба и вина. На речных судах и плотах товар шел в Устюг и далее — на Сухоно-Двинскую водную магистраль. Большое количество зерна отправлялось в Холмогоры. Так, весной 1634 года унжанин Р. Афанасьев вез на двух плотах 1000 мер хлеба. С Унжи в Устюг «под тем хлебом приезжали 170 лошадей».

Крестьяне Галицких вотчин поставляли «зарядное» вино в кабаки Холмогор, Соли-Вычегодской, Яренска, Мезени, Ваги, Устюга. Среди винных подрядчиков выделяется разбогатевший крестьянин из владений Никиты Романова, унжанин Годен Золотавин. Он принимал также участие в хлебной торговле Устюга. Так, например, в 1650 году Золотавин вместе с другим унжанином И. Тунгусом продал 1200 мер ржи. («Рынок Устюга Великого», стр. 269).

С торговых людей властями взимались так называемые пошлины. Существовали таможенные пошлины с иногородних людей, с торговых людей гостиной сотни, с мелкого площадного торга, с конской торговли, проплавные, банный сбор, свадебные деньги, мировые гривны, откуп за гостиный двор.

Сбор пошлин производился таможенными и кабацкими цоловальниками. В нашей Никольской Слободке, в Енангской волости и в отдельные годы в Вохомской волости сбор пошлин находился в руках откупщиков.

В Никольской Слободке в те годы таможенных пошлин собиралось мало — за 25 лет (1626—1650) 4 раза: в 1635, 1636,

и 1638 года по 5 рублей, в 1639 г. — 1 рубль 13 алтын. («Рынок Устюга Великого», стр. 154—155). Надо иметь ввиду, что деньги ценились очень высоко.

Приводимая в книге таблица о суммах проплавных пошлин на реке Юг рисует весьма пеструю картину. В 1633—1634 г. г. этих пошлин было взыскано 294 рубля 25 алтын, в 1638—39 г. г. — 25 рублей 11 алтын, в 1643—44 г. г. — 454 рубля 31 алтын 3 деньги, в 1649—59 г. г. — 38 руб. 23 алтына 2 деньги и т. п.

Всего же различных пошлин в Устюге в те годы собиралось много: в 1636—37 гг. — 3101 руб. 1 алтын, в 1643—44 г. г. — 5693 рубля 25 алтын 3 деньги. Сумма по тем временам огромная, указывающая на большое развитие торговли Устюга.

Из общей массы деревенского населения выделился слой разбогатевших крестьян. Подьячий П. Давыдов причисляет к таким Богдана Павлова из Никольской Слободки, Савелия Орепина и Василия Пономарева из Кичменгской волости.

Разбогатевшие посадские крестьяне, монастыри прибегали к прямому насилию по отношению к простому люду.

Обедневшие крестьяне вынуждены были идти к богачам в половники, т. е. работать у богатеев за половину урожая. В 1623—1626 г. г. в Устюжском уезде было 1329 половников, из них наибольшее количество в Южской трети уезда — 573 человека (43,1 проц.). В Шарженской и Халезской волостях был 21 половник, в Никольской Слободке — 7 хозяйств. Имел половника Федор Парфеньев Зубовых из Халезской волости. Зубовых продал за два года 240 мер ржи.

В челобитной 1646 года говорится: «Искупиться нам, бедным, от того платежу невозможно, да и нечем, потому, что в прежние годы животишко свои и скот, и хлеб в твои государевы подати испродали». («Приказные дела старых лет, 1637—1646 г. г.», № 18, л. 261).

Разбогатевший кожевник Филипп Семенов Кабаков вместе с братьями владел 6 лавками в Устюге, имел 2 мельницы. Его земельные владения состояли из 7 деревень и двух полудеревень в Устюжском уезде, деревни и острова на Двине в Сольвычегодском уезде. Имел много половников.

Многочисленные факты, свидетельствующие о «великих насилиствах» Кабакова, приводят в своей челобитной от 4 декабря 1626 года жители Южских волостей. Тех крестьян, чьи земли «прилегли в межах» к его владениям, «Филипп из деревень вон выживает и наволока, земли пашенные и сенные покосы от их деревень отымает, хлеб намолоченный, сена кошенные своим насилиством в свою деревню свозит, и с Устюга Великого от вое-

вод привозит глухия наказные памяти и с своими людьми и с половниками многих крестьян мучит: в дым вешает и кнутом стегает не по делу; и на пашенные земли и на сенные покосы вымучивает у тех крестьян насильством купчия безденежно, а на иных крестьян намучивает заемные кабалы безденежно же. И нынеча.. твоя государева вотчина от того Филипа пустеет: многие крестьяне, пометав свои деревнишки, бредут рознь от его великого насильства; и твоих государевых податей ныне с тех деревень имати стало не на ком». («Памятники земской старины». Стр. 38).

В ходе расследования было установлено, что Кабаков творит беззакония не только по отношению ко «всем Южской трети крестьянам, но и в других волостях «крестьян изобижает», захватывая принадлежащие им пашенные земли и сенокосы. Кабаков пользовался покровительством и поддержкой со стороны местных властей. По словам крестьян, они «на Устюге Великом воеводе бити челом не смеют, что тот Филип на Устюге воеводу Петра Васильевича Волынского да подьячево Семена Матюшкина запивает и закармливает, посулы и поминки им дает великия и на дворе у них Устюга Великого живет не выходя». (Цитируется по криге «Рынок Великого Устюга». Стр. 362—363).

„ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ“ О НИКОЛЬСКЕ

С 1838 года в губерниях, в том числе и Вологодской, издавались газеты под названием «Губернские ведомости». Краеведы, которые интересуются историей района, могут найти в ней интересные сведения. А хранится эта газета в областной библиотеке и облгосархиве.

Вот некоторые материалы, опубликованные в «Вологодских губернских ведомостях» № 22 за 1845 год, № 22 за 1846 год и № 38 за 1847 год.

Весной 1845 года по реке Юг было отправлено к Архангельску различных грузов на 234107 рублей 64 коп. Наиболее значительными были партии рогож, овса, льносемян. Грузы на продажу доставлялись зимой не только из Никольского, но и из соседних уездов Вятской и Костромской губерний.

Для отправки товаров по воде строились барки и плоты. В 1843 году их было построено 46, в том числе 36 барок. Называются и места постройки барок; деревни Пермас, Козловка, Плаксино, Пелягинец, Аксаков наволок, Ефремово, город Никольск, реки Кичменьга и Ентала.

Сведения о реке Юг, опубликованные в «Ведомостях», позволяют судить, что в те времена она была значительно многоводнее. Ширина реки у Никольска достигала 50 саженей (сажень — 2,134 м.), около устья Пушмы — до 100, а ниже его — до 125 саженей. О другой водной магистрали Никольского уезда сообщалось следующее:

«Река Унжа, образуемая от слияния Кемы и Лунданги, впадает в Волгу. По ней сплавляются в значительном количестве сосновый и еловый строевой лес, вырубаемый каждогодно помещичьими крестьянами преимущественно из дач своих владельцев. Лес этот отправляется по большей части в Кологривский уезд, а также в Макарьев на Унже и Нижний Новгород».

В 38 номере «Вологодских губернских ведомостей» за 1847 год опубликован «Краткий статистический взгляд на г. Никольск».

«В 632 верстах к сев.-востоку от своего губернск. ц. г. Вологды, в 1063 от М. и в 1342 от С.-П. находится г. Никольск, расположенный на берегу р. Юг, доставляющей его жителям обильную и хорошую воду, кроме которой они частично пользуются и из 47 колодцев, устроенных при некоторых домах, дальше других от реки находящихся.

В Никольске немощенных улиц и переулков 9, площадей 3, мостов деревянных 9. Городской земли под сенокосом, пашнею, выгоном, лесом и болотистой состоит 2536 десятин и под незастроенными кварталами 51 десятина (десятина 1,0925 гектара, Ред.) Церквей 1 соборная каменная и 1 кладбищенская деревянная. Из 154 в городе домов каменный только 1».

В Никольске ежегодно проводилось две ярмарки: одна — с 10 августа по 1 сентября, другая — с 1 по 15 ноября. Как сообщает газета, в 1846 году приезжих из других мест купцов на ярмарках не было. В городе было 7 купеческих лавок и один погреб с виноградными винами. Харчевен и трактиров не было.

А вот некоторые сведения о жителях города. К концу 1846 года из 1106 горожан в семьях дворян и чиновников военного и гражданских ведомств жило 144 человека, в семьях духовенства — 54, в семьях купцов — 85, местных мещан и посадских — 445 человек. В духовном училище училось 88 мальчиков. Были крестьянские (дворовые) — 13 человек мужского пола и 24 — женского. За год в городе родилось 34 мальчика и 22 девочки, а умерло 24 человека мужского пола и 22 — женского. Из числа смертных случаев четыре расследовались полицейскими, и оказалось, что один человек неумышленно отравлен, второй утонул из-за своей неосторожности, один младенец отравлен матерью и один труп утопленницы был не опознан. За год полиция арестовала двух человек, оба они были местными жителями. За какие «грехи» эти люди были подвергнуты аресту — газета не сообщает.

Интерес людей к истории своего края не угасает. Молодым краеведам необходимо критически относиться к архивным сведениям.

Вот, к примеру, в том же 38 номере «Вологодских губернских ведомостей» за 1847 год писалось:

«На собственное продовольствие жителями Никольска в 1846 году было убито: быков и коров 14 штук, баранов и овец — 60, телят — 90, свиней — 20, что вместе взятое составляет весом до 585 пудов. Да из окрестных деревень приведено и употреблено в Никольске говядины и свинины приблизительно 700 пудов.

Из других съестных запасов употреблено ими кроме добываемых от собственного хозяйства: муки ржаной 460 кулей, ржи 150 четвертей, овса 450 четвертей, крупы разных 200 четвертей (четверть — мера объема сыпучих тел равная 26,24 л. Ред.). Хотя приезд этих предметов на рынок города был больше показанного количества, но остальное разошлось по окрестным жителям и частью отправлено на барках к Архангельску. Из числа вывезенных в Никольск в сем году 4000 ведер спирта по здешнему откупу продано вина 2060 ведер».

Кажется, что 1106 жителей города, как сыр в масле купались, все были сыты и пьяны. Но одни цифры и факты — это еще не сама правда, говорил А. М. Горький. Надо уметь обобщать и анализировать факты, выщипывать несущественное оперение и извлекать из факта смысл. Нельзя жарить курицу вместе с перьями.

Разберемся с обеспечением жителей Никольска продовольствием в 1846 году. На первый взгляд может показаться, что горожане много (1285 пудов) потребляли мяса, то есть в среднем по 17—18 килограммов на каждого жителя в год. Но ведь надо учитывать классовое расслоение. Выше были приведены сведения о количестве дворян, купцов и их чад и домачадцев.

А о том, чем питались простые люди, сошлемся на свидетельство бывшего здесь в ссылке позднее описываемого периода на несколько десятилетий Г. Н. Потанина — человека исключительно честного; беспристрастного, объективного. В статье «Никольский уезд его жители» он писал:

«Пища здешних крестьян отличается, во-первых, преобладанием растительных элементов, во-вторых, значительным процентом диких произведений взятых у природы. Больше половины года, как и везде в России, проходит здесь в постах! В это время обед состоит из следующих блюд: редька с квасом, соленые грузди и волнухи, разведенные водой или вареные (грибница), брусника и толокно, подмешиваемые в виде приправы к первому и последнему блюду. Если нет толокна, подмешивают просто овсяную муку, которая очень горька на вкус».

Автор дальше указывает, что в пищу местного населения сравнительно больше, чем в других областях, использовалось овса и ячменя и очень мало пшеницы, жиров, а больше — брюквы, грибов и брусники. Мяса потребляется тоже сравнительно немногого, чаще на крестьянском столе появляется дичь (зайцы, утки, тетерка, рябчики). Но ведь и охотой занимались лишь немногие. Чай же пьют только богатые, да и то по воскресеньям.

В ГОД 1861

Что представлял из себя наш город и уезд к тому времени, дает «Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 год», напечатанная в типографии губернского правления.

Никольский уезд простирался по обширной территории около 29300 квадратных верст с населением 120692 жителя, т. е. плотность населения составляла 4 человека на квадратную версту. (Верста — 1,0668 км).

Домов в Никольске было 153, из них два кирпичных. Число жителей города за 15 лет увеличилось на 247 и достигло 1353

человека. Лавок в городе 14. В «Памятной книжке» указывается, что в 1860 году в Никольске объявлено капиталов 19 : 1 — первой гильдии, а остальные — третьей, на 58200 рублей. В царской России купцы разделялись на три гильдии, в зависимости от размера капитала, высшая из них — первая. Но уже с 1863 года мелких торговцев не причисляли ни к одной из гильдий.

В городской больнице за год лечилось 62 мужчины и 1 женщина. Лечение было платным. Доход больницы за год составил 216 рублей 37 и три четверти копейки, а расход — 338 рублей 66 с половиной копеек.

За 1860 год в городе родилось 56 человек, а умерло 52.

34 ДЕВОЧКИ

В каком состоянии было народное образование в Никольском уезде 120 лет назад, позволяют судить данные об училищах на его территории. Вот эти учебные заведения: приходское училище министерства народного просвещения с 2 учителями и 21 учащимся (мальчики); духовное училище, в нем 7 учителей и 100 учащихся мужского пола; девять училищ ведомства государственных имуществ, в них 9 учителей и 2 учительницы, учеников — 462 мальчика и 34 девочки.

Таким образом, в 1860—1861 учебном году в уезде было всего 11 училищ, в них 20 учителей (из них 2 женщины) и 617 учащихся (из них 34 девочки). Напомним о размерах уезда: в него входили, кроме Никольского, такие ныне районные центры как К.-Городок, Подосиновец, Павино, Вожма.

В разделе справочных сведений находим правила для желающих определить детей в Вологодскую гимназию. На полный пансион принимаются «дети одних только дворян и чиновников». На полупансион и в приходящие ученики — тоже дети дворян и чиновников. Стоп! Оказывается, принимаются и дети лиц свободного состояния, но с оговоркой: исключая придворнослужителей, не достигших классных чинов, артистов императорских театров 2 разряда и капельдинеров. Больше никто не принимается. Но и для этого ограниченного контингента есть еще одна оговорка. Уроженцы Царства Польского (входившего в состав Российской империи со времен поражения Наполеона) принимались в гимназию лишь тогда, когда представлят от попечителя Варшавского учебного округа свидетельство о том, что тот к обучению не имеет препятствий.

Какие познания требовались для поступления в гимназию? Главное — Закон божий, необходимые молитвы и начатки христианского учения. Из математики — знать нумерацию и первые правила арифметики. По русскому языку — умение писать и

читать, знать несколько басен. Знаний из географии, говорится в правилах, не требуется, из истории — не требуется не только для поступающих в первый, но и во второй и в третий классы. Из иностранных языков — не требуется, из естествознания — не требуется.

ТРОЙКИ ПОЧТОВЫЕ

В статистическом очерке «Памятной книжки» даются сведения о периодической печати Никольска тех лет. Но, взглянув на эти цифры в 1981 году, т. е. ровно через 120 лет после издания «Памятной книжки», я не устоял перед соблазном позвонить в наше отделение «Союзпечать» и узнать, сколько же сейчас выпускается в районе газет и журналов.

— Всего 31425 экземпляров, — ответили мне, — одних журналов район получает 339 наименований в 24425 экземплярах. Да газет 41 название — 7000 экземпляров.

А вот точные данные за 1861 год. На город почта доставляла 39 экземпляров журналов и газет. Большинство из них (20) были издания религиозного толка. Например, «Духовная беседа» выписывалась в одиннадцати экземплярах, «Воскресное чтение» — 6 экземпляров. Иллюстрированная газета «Искра» и «С.-Петербургские Ведомости» приходили в двух экземплярах каждая, а журналы «Современник», «Отечественные записки» и «Русский вестник» — по одному.

Как доставлялась и отправлялась почта в Никольск? Тройки с колокольцами под дугой мчались от одной почтовой станции к другой, где всегда наготове их ждут «перекладные», т. е. следующие тройки или пары. Первая после Никольска почтовая станция по тракту на Н. Новгород и Вятку была в Пермасе. Пермасяне были лихими ямщиками. И сейчас там у стариков найдешь исправную упряжь с медными бляшками, и колокольцы. Про таких пели песни,

Надо отдать должное четкости работы почты в те годы. Расписание выполнялось неукоснительно. Почта (корреспонденции, посылки) в Вологде на Никольск принимались до 12 часов для каждой среды, чтобы в час ночи со среды на четверг отправить ее. В Никольскую почтовую контору почта прибывала с Устюгского тракта в воскресенье в 1 час 50 минут ночи, с Нижегородского тоже в воскресенье в 8 часов 50 минут вечера.

Корреспонденции в Никольской почтовой конторе принимались на Устюгский тракт до 2 часов дня в среду, на Н. Новгород (Горький) и Вятку (Киров) — до 2 часов дня в воскресенье.

ВЛАСТЬ ИМУЩИЕ

Никольск был маленьким городком, но он являлся центром большого уезда, и поэтому в нем были все должностные лица, положенные уездному центру; и городничий, и судья, и почмейстер и т. д. Кто они были? Честные люди или подлецы и взяточники? Наверное, всякие были. Достоверные факты утрачены за давностью.

Из адреса-календаря лиц, служащих в губернии и 1861 году, по Никольску можно перечислить такие имена и чины:

Городничий — Вячеслав Антонович Маковский, титулярный советник, кавалер ордена Анны третьей степени. Письмоводитель — Вениамин Николаевич Касаткин, губернский секретарь. Смотритель тюремного замка — Алексей Федорович Ведивасов, коллежский секретарь. Уездный судья — Петр Петрович Тетерин, надворный советник. Дворянский заседатель — Алексей Алексеевич Сацердотов, коллежский асессор. Секретарь суда — Степан Ефимович Гвоздев, титулярный советник. Городской голова — Василий Акиндинович Сумароков, мещанин. Казначай — Иван Григорьевич Кузнецов, титулярный советник. Бухгалтер — Иван Алексеевич Ермолин. Почмейстер — Александр Дмитриевич Беклемишев, коллежский асессор. Помощник асессора — Филипп Дмитриевич Борисоглебский, коклевской регистратор. Лесничий — прапорщик Николай Александрович Коринский.

Гражданские чины в царской России делились на 14 классов, высшие из них — первые. Так, титулярный советник — это гражданский чин 9 класса, соответствовал воинскому чину капитана или ротмистра.

МЕСТНЫЕ ГОВОРЫ

В «Памятной книжке для Вологодской губернии на 1861 год» есть статья Вл. Попова «Колонизация русскими Вологодской губернии». Не будем пересказывать историю заселения края, где аборигенами были племена чуди. Интересно наблюдение автора об языковых явлениях, о влиянии переселившихся сюда украинцев и поляков на нашу речь, говоры и диалекты.

Выходцы из Украины, — пишет автор, — «вносили сюда и передавали местному сборному населению мягкие звуки языка благословенной Малороссии, грубевшие, однако ж, под суровым небом севера...» Так, у нас, особенно по Сухоне, Югу и Двине, прошедшее совершенное время изъявительного наклонения действительного залога оканчиваются на «оу» или «оув», вместо «ол», «ел» (например, «пошев») и «иув», «ыув» вместо «ил», «ыл» (ходив). Почти так украинцы произносят «ов», «ив». Оди-

наковы эти звуки и в середине слов: «мовци», а не «молчи». Возвратный залог также имеет много общего с украинским: гнуться, усмехаться, сбудется. Существительные, кончающиеся на «ца», кончают на «ця» — птица, божница, как украинское кри- ница. Причем звук «ц» произносят не как русский, а близкий к польскому. Местосимение «кто обращают в «хто». Автор наблюдал, как в Сольвычегодске и окрест его тогда говорили не «вдвоем, втроем», а «двоима, троима», не «руками», а «рукама».

УСТАВНЫЕ ГРАМОТЫ

1861 год принес «Крестьянскую реформу» — отмену крепостного права. До сих пор считалось, что на территории нашего района помещиков не было. Новые документы Центрального Государственного Исторического архива показывают, что крестьяне Кемской волости были крепостными. Эти документы — Уставные грамоты, составлявшиеся при отмене крепостного права, — показывают, что деревни Верховина, Старина, Каинова были имениями помещицы Степаниды Зубовой. Село Никольское, деревни Ямская, Вострова, Воронова и Красная принадлежали Парасковье Игнатьевой, три деревни, в том числе Серпово и Горки — помещице Vere Петровне Дурново.

Отмена крепостного права, как известно, носила грабительский характер. Крестьяне за полученные земельные наделы должны были платить огромные платежи, помещики при межевании отрезали себе лучшую землю, а крестьянам — худшую. Эти отношения и отражают Уставные грамоты. Вот одна из них — грамота помещицы Дурново на условия выкупа земли крестьянами двух ее деревень: «В прописных селениях значится по 10 народной переписи мужского пола душ: дворовых 21, крестьян 114. Дворовые не получают надел. Не получают надел 3 р. д. крестьян на основании ст. 7—8 местного положения. Получают надел крестьян 111 р. д. Всей земли 5572 десятины 335 саженей. Крестьяне пользовались в неопределенном количестве. Под оседлостью 7 десятин 200 сажен.

Высший надел 7 десятин. Всего 777 десятин. Так как крестьяне пользовались большим количеством земли, то им предоставляется 777 десятин, а остальное отрезается».

Посчитайте: 5572 десятины минус 777 крестьянам, оставшееся 4795 десятин Дурново отрезает себе. Да еще у крестьян деревни Серпово в пользу помещицы отрезано 1200 десятин.

За эти «отрезки» и повели затем упорную борьбу «освобожденные» крестьяне.

Но и ту землю, что получали мужики в надел, должны были оплатить. Читаем грамоту дальше: «За предоставленную в настоящее пользование крестьян землю в количестве 7 десятин на душу оброку по 9 рублей. Оброки вносятся за полгода вперед и платят в январе и мае.

Из числа душевого оброка на усадьбу 1 рубль 50 копеек, так как она причисляется к первому разряду, вследствие чего повинность за пользование всею усадьбою оседлостью крестьян всего общества составляет в год 166 рублей 50 копеек, а выкупная сумма 2775 рублей 35 с половиной копеек. За исправное отбывание повинности ответствуют круговою порукою. 1862, Август 22». (ЦГИА, фонд 577, оп. 6, д. 1494, л. л. 18-19).

Подобное наблюдается и в других Уставных грамотах. Что касается суммы выкупа, надо учесть, что деньги тогда были чрезвычайно дороги.

Крепостное право было, кроме Кемской, и в ряде других волостей Никольского уезда (например, в Березниковской), не входящих сейчас в наш район. А всего по уезду было крепостных душ 1490 крестьян и 31 дворовых. Из этого числа 928 душ крестьян (63 процента) платили оброк, 523 крестьянских души (35 процентов) выполняли смешанную повинность — платили часть оброка и несли барщину, т. е. привлекались к работе на помещичьей земле, 30 душ (2 процента) были исключительно на барщине.

У 52 процентов крестьян никольские помещики отрезали 5134 десятины земли, да еще у 32 процентов, т. е. у 586 душ, говорится в документах, отрезали, но неизвестно сколько.

ПАМЯТЬ ВЕКОВ

Представьте хоть на минуту, что все мы потеряли память. Не помним прошлого, забыли своих предков, даже отца и мать. У нормального человека этого не бывает, но случается, когда в результате заболевания головного мозга или травмы больной забывает все, даже свое имя. Эта болезнь называется амнезией. Все прошлое больного будто закрыто от него черным не проницаемым занавесом. Он вял и малоподвижен, ничем не интересуется, не увлекается, ко всему равнодушен, безразличен.

Надо с великим уважением относиться к прошлому. Люди на протяжении веков накопили огромный опыт, найденный по выражению Герцена, страданиями, облитыми иногда кровавым потом. Веками создавались материальные и культурные ценности, шедевры мировой славы, многочисленные примеры для подражания. Знание прошлого — двигатель нашей жизни.

Откуда мы черпаем знания о прошлом? Прежде всего из книги, в которой запечатлена вся всемирная история человечества, и, как писал тот же Герцен, все учения, потрясавшие умы, и все страсти, потрясавшие сердца

Знания и опыт передают отцы сыновьям. Читаем, слушаем и восхищаемся славным прошлым своей родины, героическими деяниями наших предков.

Но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Вот почему надо бережно хранить предметы материальной культуры, как живых свидетелей минувшего. В нашем краеведческом музее собраны тысячи различных экспонатов и они будут сохранены. Фонды музея умножаются.

Ничуть не меньшую заботу должны вызывать у каждого сохранность памятников природы и строительства. В районе немало строений, представляющих иссомненный интерес, как памятники зодчества, тем более деревянных, ведь они находятся под открытым небом и разрушаются.

Одно из красивых и старинных зданий города — Сретенский собор, построен более полутора веков тому назад. Не разрушай его — простоял бы еще многие века. К сожалению, убрали не только колокольню, но и пятиглавый купол, чем ослаблена связь стен, были загорания и пожары, а с тех пор, как покрыли асфальтом прилегающую площадь и забыли сделать водоотвод, вода, особенно весной, рекой течет в подвал здания. Идет реставрация, выросли купола, но работы идут медленно.

Надо сказать, что у нас вольготно относятся к вопросам перестройки подобных зданий. Давно убрано красивое остекленное крылье у бывшей Земской аптеки. Стали ремонтировать здание РАПО (Перовский дом) и изменили конструкцию крыши. Захотелось управляющему госбанком, чтобы в квартире печь обогревала две смежные комнаты, и, не задумываясь, взломали капитальную стену старинной кладки. А ведь строителям хорошо известно, что это не полагается в любом здании — капитальная стена, как несущая конструкция, несет в себе запас прочности, и сотни лет тому назад строители были профессионально грамотны не хуже нынешних.

На территории района чудом сохранились некоторые культовые здания — церкви и часовни. Прошли времена, когда борьбу с религией отождествляли с разрушением церквей — замечательных памятников старинного зодчества.

В нашем музее посетители не раз интересовались, когда в районе строились церкви. На основе сохранившихся документов привожу эти даты.

Дуниловская Казанская деревянная церковь построена в 1712 году (много лет в ней был магазин, склад лесопункта).

Здесь же, в устье речки Дуниловки, в 1898 году построена новая деревянная часовня вместо старой, стоявшей тут же с давних времен. Каменная Дуниловская церковь строилась в 1853 — 1855 годах.

В селе Кипшеньга церковь называлась Халезско-Богородице-Рождественской. Она была воздвигнута в 1833 году. Снесена с лица земли в послевоенные годы. Кирпич предназначался для строительства льнозавода, но много было слома, старинная кладка крепка. Впрочем из кирпичей кладбищенской церкви Никольска удалось кое-что сделать. (Тюрьма).

Халезская Старо-Георгиевская церковь, что в устье реки Кипшеньги, строилась в 1848 и 1864 годах, сначала холодная (летняя), затем теплая (зимняя).

Завражская при речке Анданге строилась в 1861 и 1874 годах, спачала теплая, затем холодная.

На два раза также возведена Нижнекемская Николаевская церковь — в 1862 и 1871 годах.

Время постройки, теперь разрушенной Покровской церкви в деревне Кумбисер, относится к 1885 году. В том же году поставлена Пермская Крестовоздвиженская церковь (теплая). Пристройка к ней холодной церкви длилась с 1904 до 1925 год.

Церковь в селе Лоха называлась Халезская Введенская, год окончания стройки—1889 — одно из красивых, подобных ей строений. К сожалению, разрушение и разорение ее продолжалось до последних лет. Мраморные церковные половые плиты можно было увидеть в ином хлеву.

А вот выдержки из ведомости о Крестоводвиженской церкви за 1926 год:

«Церковь построена в 1917—1918 годах тщанием прихожан. Зданием — деревянная, двухэтажная, в связи с колокольнею, тоже деревянною, покрыта железом. Престолов в ней один — во имя Воздвижения Честного и Животворящего Крестя Господня. Утвари достаточно.. Почтовый адрес: г. Никольск, С.-Двинской губ. село Крестовоздвиженское — Гари-Бытова Курья — тож, Нигинского сельсовета».

Интересный памятник деревянного зодчества. Хранить бы его под железной крышей! В шутку говорят: нигинчане как англичане. Но англичане не позволили бы себе такую роскошь — не покрасить, не сохранить крышу и нарушить этим все здание. Да, что там англичане! В городе и районе можно перечислить не один десяток железных крыш на старинных зданиях, не перекрывавшихся сотни лет. Можно ли реставрировать Б.-Курьевскую церковь? Наверно, трудно. Но человек все может, если захочет. Но никто не хочет ни делать это, ни заставить (надоумить) сделать это.

В деревне Кудрино в 1913 году была построена часовня. В 1924 году она преобразована в церковь, в том же году к ней был прирублен алтарь. В том же 1924 году была срублена церковь в деревне Демино и называлась она Преображенской церковью. Андангская Иоанно-Предтеченская деревянная церковь в деревне Пантелеево перестроена из бывшей часовни с 1 августа по 18 декабря 1924 года.

В нашем районном музее есть интересный экспонат — макет этой Пантелеевской церкви. Автор макета — никольский инженер-строитель Николай Иванович Гомзиков. Посетители музея смотрят и любуются это игрушечной копией церкви. Искусный макет. Копией любуются, а оригинал — сама церковь — гниет, как и в Бутовой Курье, и скоро останется от нее только макет да фотоснимок.

Приходится слышать нарекания и упреки во все адреса и всем предшествующим поколениям: то не сохранили, да это не сберегли. Но то, что еще осталось, как память нашей истории, кто все это должен сберечь? Ведь вся сила и власть (и карты в руки!) у современного молодого поколения. А что потом скажут дети и внуки этого поколения, если то, что сегодня еще есть из

памятников истории и культуры, не будет сохранено? И в ближайшие годы под воздействием сил природы многое сгниет, развалится?

Несколько слов о памятниках природы. Вызывает законную тревогу сад известного на весь север страны садовода-мичуринца В. В. Спирина. Почти ничего от него не осталось, и тем ценнее, что там еще реликтовые, редкие в наших краях деревья.

В северо-западной части города, в треугольнике, ограниченном рекой и улицами Маршала Конева и Володарского раньше была «ферма» — опытное, передовое по тому времени сельскохозяйственное заведение. Прекрасный уголок природы мог бы стать великолепной зоной отдыха с чудесным ландшафтным парком в сосновом бору. Но частные дома постепенно наступают и на этот участок.

Лесной массив за пригородным поселком Светлый ключ с трех сторон омывается Югом-рекой. Цивилизация коснулась и этого уголка природы. Линия электропередач слизнула часть соснового бора. Надо хранить оставшееся. Кинуть бы клич горожанам: проведем субботу или воскресенье в этом бору! Уверен, откликнутся сотни людей. Вначале этим сотням построиться в шеренгу и прочесать весь бор от просеки до реки — каждый уберет валежину-буреломуину или десяток сучков в кучу к проезжей дороге. Страй тут дом отдыха — чем хуже Бобровникова под Устюгом? Будем же хранить вековую память о нашем прошлом, о жизни наших отцов, дедов и прадедов, о земле, на которой мы родились и выросли!

«Уважение к прошлому — вот черта, отличающая образованность от дикости». Это сказал еще Пушкин Александр Сергеевич. Мы же куда образованней людей того времени!

КАК ЭТО БЫЛО?

В 1984 году мы отмечали 60-летие образования района. Такой же юбилей справляли наш ближайший сосед Кичменгский Городок и многие другие районы Вологодской, Архангельской, Кировской, Костромской областей и республика Коми.

Почему в 1984 году? Как это было?

С 1780 года вплоть до Октябрьской революции, да еще более 6 лет после установления Советской власти, т. е. до 1924 года город Никольск был административным центром большого Никольского уезда. Территория его (36874 кв. км.) превосходила по своим размерам Ярославскую область в современных ее границах, а также Ивановскую, Владимирскую, Курскую, отдельно взятые.

Обширность границ уезда представляла большие трудности и в управлении, и в планировании народного хозяйства. Разница состояла и в природных, и в климатических условиях, и в принадлежности к разным водным бассейнам. Если входившие в Никольский уезд современные Никольский, Кичм.-Городецкий и Подосиновский районы примыкали к бассейну Северной Двины, то Рослятинская и Кемская волости были на реках Юрманга и Упжа, Навино и Вохма — на Меже и Ветлуге, а Моломская и соседние с ней волости принадлежали уже к бассейну реки Вятки (Молома — приток Вятки). Все это реки Волжского бассейна.

Первым шагом было образование самостоятельной Северо-Двинской губернии. Она была создана из пяти северо-восточных уездов Вологодской губернии — Великоустюгского, Никольского, Сольвычегодского, Усть-Сысольского и Яренского — с центром в Великом Устюге. Постановление об этом принял Вологодский губернский съезд Советов в апреле 1918 года, а первый С.-Двинский губернский съезд Советов (организационный) проходил в В.-Устюге 15—20 июня 1918 года. Наркоматом внутренних дел новая губерния была утверждена 27 января 1919 года. В августе 1921 года из состава губернии выделена самостоятельной единицей автономная область Коми.

Новое административное деление приблизило руководящие органы губернии, улучшило их оперативность, активизировало крестьян к строительству новой жизни.

К концу 1918 года в Никольском уезде было создано 8 волостных, городской и 283 деревенских комитета бедноты. Об этом говорят данные В.-Устюгского филиала Вологодского Госархива (фонд Р-43 оп. 1. Л. 107).

Оираясь на комбеды, местные Советы проводят национализацию частнособственных земельных владений, передают их малоземельным беднякам, проводят в жизнь декрет о переделе земли по едокам. (Ранее земля делилась подушно, члены семьи женского пола в расчет не принимались).

Встал вопрос о дальнейшем совершенствовании органов административного управления. Если с образованием Северо-Двинской губернией губернский Совет значительно приблизился к северо-восточным уездам, то прежними обширнейшими остались уезды и волости.

Высказывалась необходимость создания вместо уездов, укрупненных волостей, названных затем районными. Слово район было не новым. Еще до революции считалось, что в нашем уезде 4 района: Никольский, Опаринский, Подосиновский и Вохомский. Но это было почти условное деление. Единственное, пожалуй,

было то, что в этих крупных селах (Опарино, Подосиновец, Вожма) был отдельный полицейский стан, распространявший свою власть на ряд прилегающих волостей.

Волости стали укрупняться, сокращалось их количество. С.-Двинский губисполком выдвигал не один проект районирования. Но эти проекты сохраняли прежнюю четырехчленную форму построения — сельсовет, волсовет, райсовет, губсовет — и отвергались Центральной комиссией по районированию при НКВД.

Наконец, в Москве, в Центральной административной комиссии был разработан план общего районирования России. Архангельская, Вологодская, С.-Двинская губернии и Автономная область Кomi объединялись в Северо-Восточную область.

Область делилась на округа. На территории бывшей С.-Двинской губернии сначала предлагалось организовать 2 округа: Великоустюгский и Никольский.

Город Никольск чуть не стал окружным центром, но в процессе корректировки, проводившейся в 1922—1923 г. г. губернской комиссией по районированию и рассматривавшейся VIII губернским съездом Советов, был о решено образовать один Северо-Двинский округ и в нем 17 районов, в том числе Никольский.

10 апреля 1924 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет санкционировал план районирования С.-Двинской губернии.

Началась практическая работа по ликвидации уездных и волостных исполнкомов, организация районных и сельских исполнкомов. Эта структура (район, сельсовет), как видим, существует и поныне. Что касается административных единиц более высшего уровня, то они подвергались различным изменениям. Северо-Западная область была упразднена, С.-Двинский округ — тоже. Наш район относился к Вологодской области, и к Архангельской, и к Северному краю, и к Северной области. А тогда, в 1924 году, районирование в С.-Двинской губернии было проведено быстрее всех в Северо-Восточной области, всего за несколько месяцев.

На территории бывшего Никольского уезда было образовано 7 районов: Никольский район (с тех пор произошли некоторые изменения в границах); Кичм.-Городецкий и Енангский (в последствии объединены); Рослятинский (в него вошли Березниковская, Подболотная и Рослятинская волости бывшего Никольского уезда), был отнесен к Тотемскому округу; Подосиновский и Опаринский (впоследствии отнесены к Кировской области); Вожомский (в составе Вознесенской, Павинской, Лапшинской, Соловецкой волостей бывшего Никольского уезда) был отнесен к Вятской области.

По данным областной плановой комиссии С.-Восточной области, опубликованным в 1924 году, площадь вновь образованного Никольского района составляла 8863 кв. км. Население 59317 человек. Район характеризовался как скотоводческий с молочно-мясным направлением, где наряду с крупным рогатым скотом развито свиноводство и овцеводство.

В районе имелся лесопильно-клепочный завод при деревне Копылово, кирпичный завод в Никольске, электростанция в райцентре (мощность 15 лошадиных сил). На клепочном заводе было занято 34 рабочих. За год 1923—24 они произвели 11,5 тысячи досок и 309,3 тысячи штук клепки. На заводе стоял двигатель мощностью 80 лошадиных сил (впоследствии перевезен в Никольск на электростанцию). В городе была типография, одна из немногих в нашем kraе.

Почтовые учреждения были в Никольске (с телеграфом), а также в Аргунове, Пермассе, Н.-Кеме и Байдарове. Телефонов не было.

По району насчитывалось 35 школ первой ступени, одна второй ступени, педтехникум, 4 детдома, 4 библиотеки — Никольская центральная, ученическая, Аргуновская и Кемская, 5 избчитален — Кипшенгская, Завражская, Пермасская, Носковская и Байдаровская, школа для взрослых, музей, клуб работников просвещения в Никольске.

Сеть здравоохранения состояла из Никольской больницы на 40 коек, аптеки, зубного кабинета, дома матери и ребенка, и дет. яслей в Никольске, трех фельдшерских пунктов — в Пластиеве, Завражье и Кеме, и двух фельдшерско-акушерских пунктов — в Аргунове и Носкове.

Ветеринарные учреждения: ветлечебница в Никольске и ветеринарно-фельдшерские пункты в Аргунове и Кеме.

Агрономическую помощь оказывали районный агроном, зоотехник и инструктор по пчеловодству, проживавшие в Никольске. Кроме того, имелись еще землемер-землеустроитель и лесничий. (Северо-Восточная область. Материалы по районированию. Часть I. Издат. Облплана. Архангельск, 1924. Стр. 410, 433, 434).

Сретенский собор. XIX в.

Старо-Егорьевская церковь.

Н. В. ШЕЛГУНОВ.

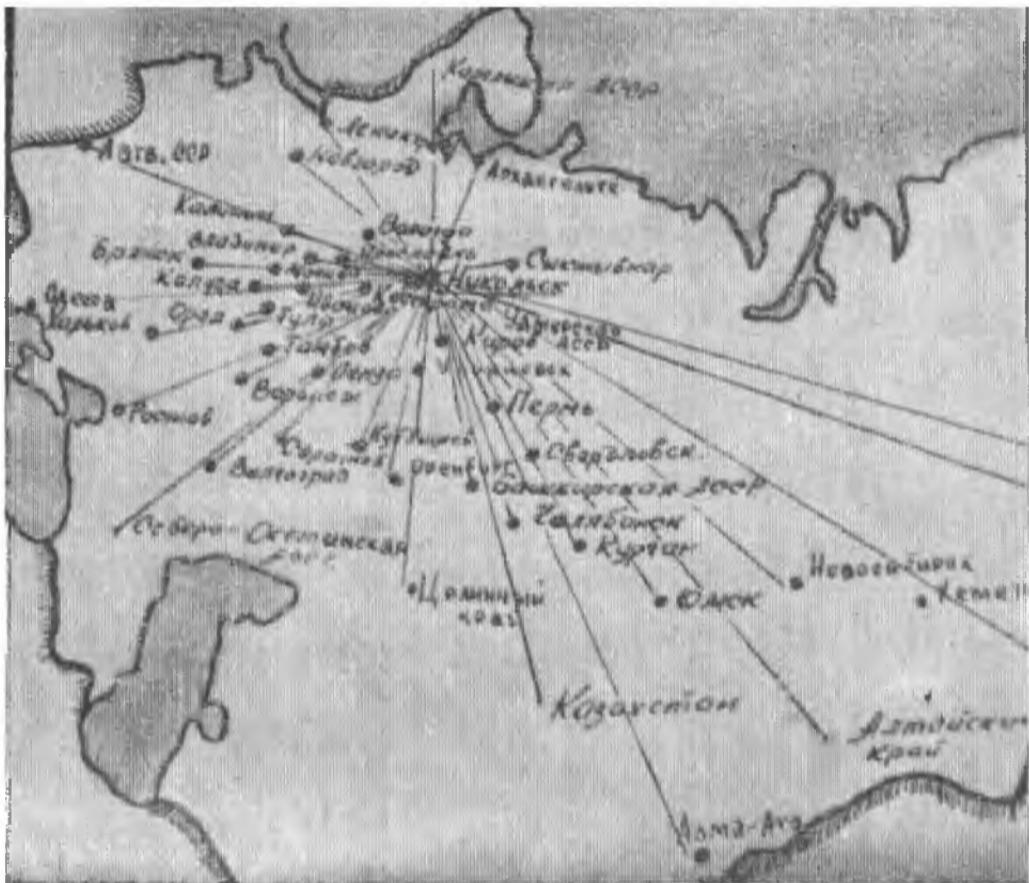
В. В. СПИРИН.

А. В. ПОТАНИНА.

Г. Н. ПОТАНИН.

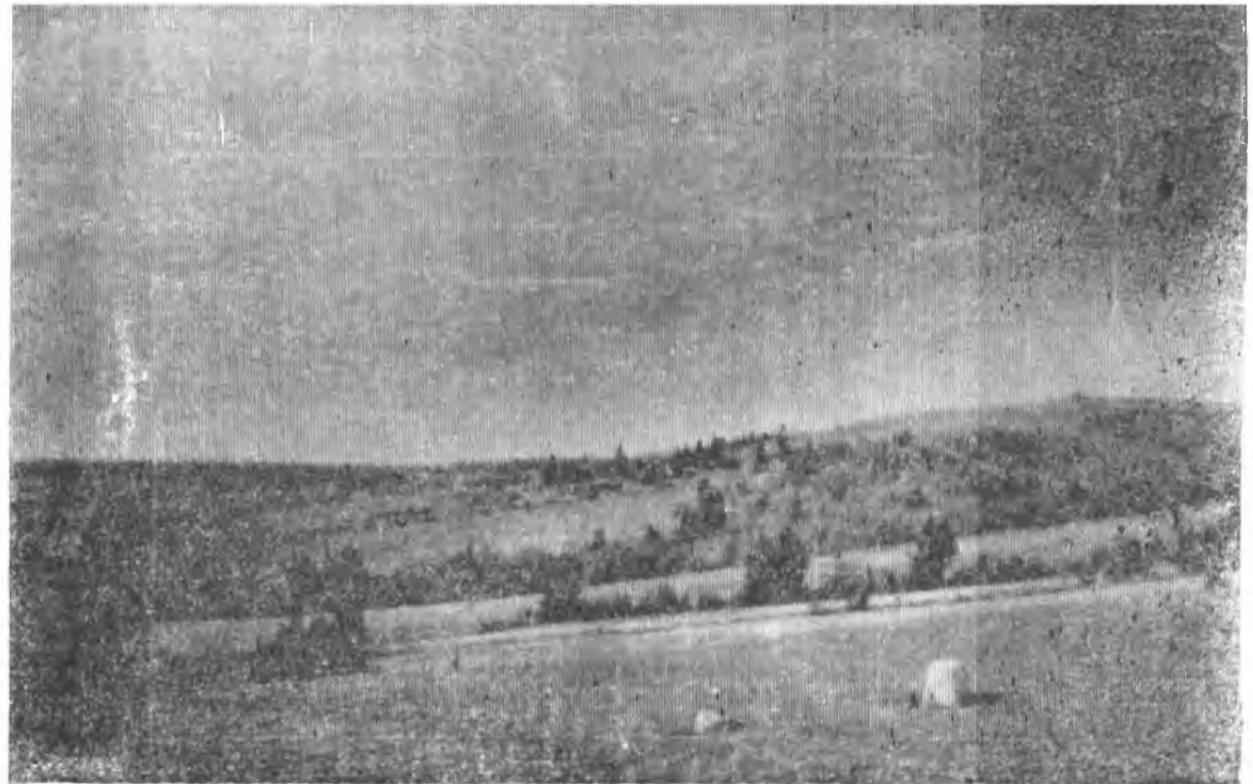

Карта-схема распространения саженцев Никольского плодово-ягодного опорного пункта.

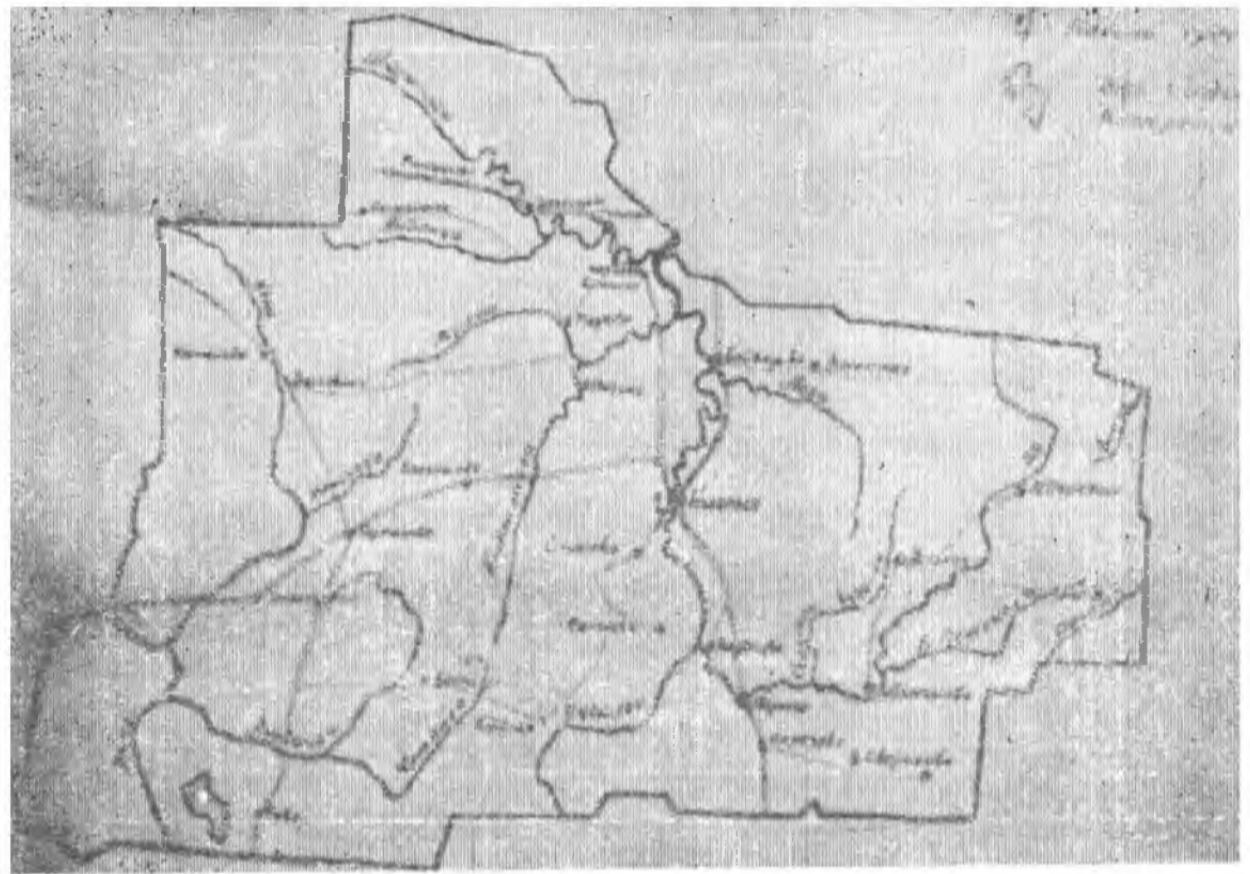

Раннюю весной...

Фото В. Покровского

Расовая точка Северных Увалов, 294 м над уровнем моря. Близ д. Неково
Норбенской волости Никольского уезда (ныне Бабушкинский р-н).
Фото автора, 1960 г.

Карта-схема Никольского р-на.

М. А. ПЕРОВ.
Земской врач.

Поэт А. Я. ЯШИН.

В. И. БАДАНИН.
Герой Советского Союза.

Маршал И. С. КОНЕВ.

ПАВЛОВ В. М.
Герой Советского Союза.

ПЬЯНКОВ И. А.
Герой Советского Союза.

СОРЬКИН В. А.
Доктор технических наук
профессор

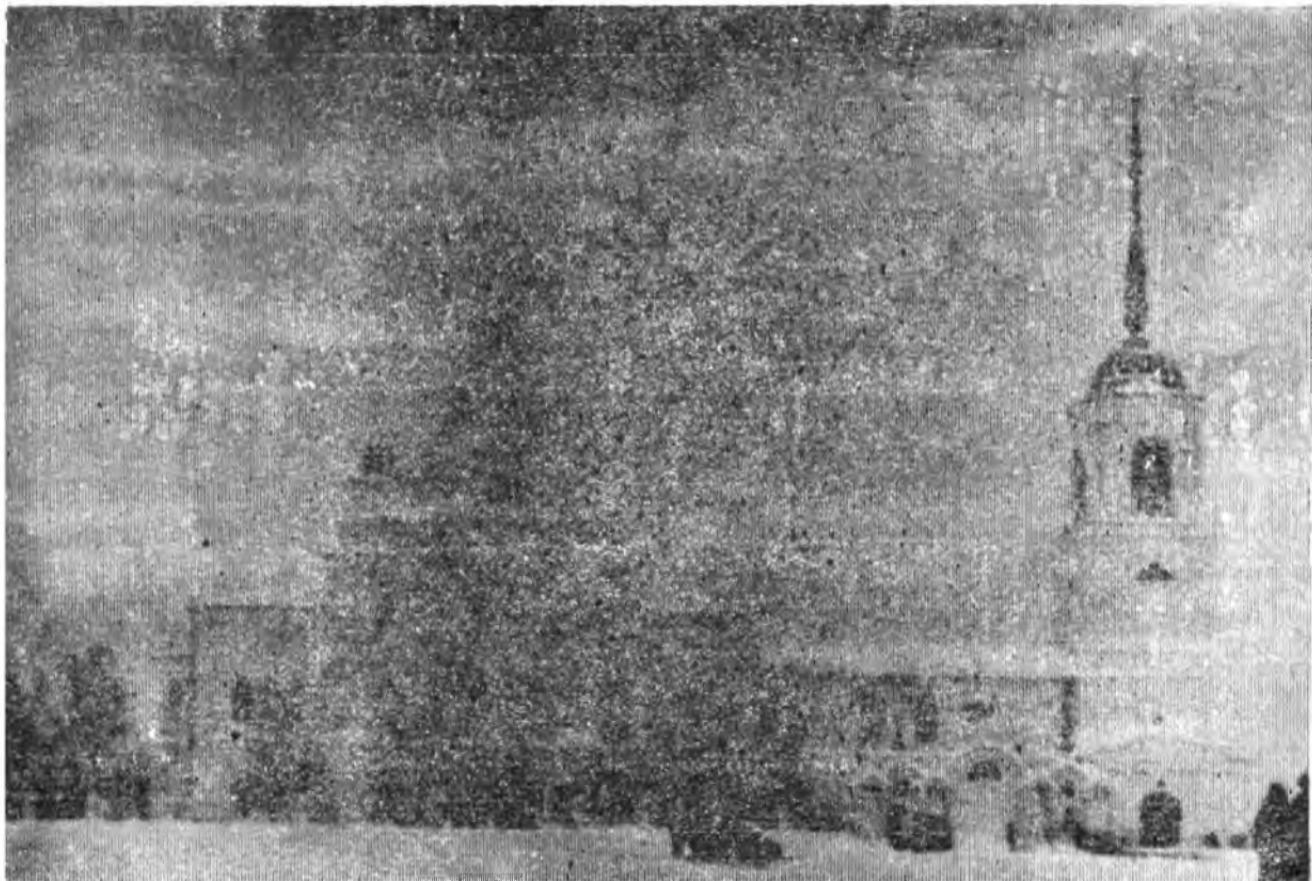
Доктор геолого-минералогич-
еских наук, профессор
КАЗАКОВ М. П.

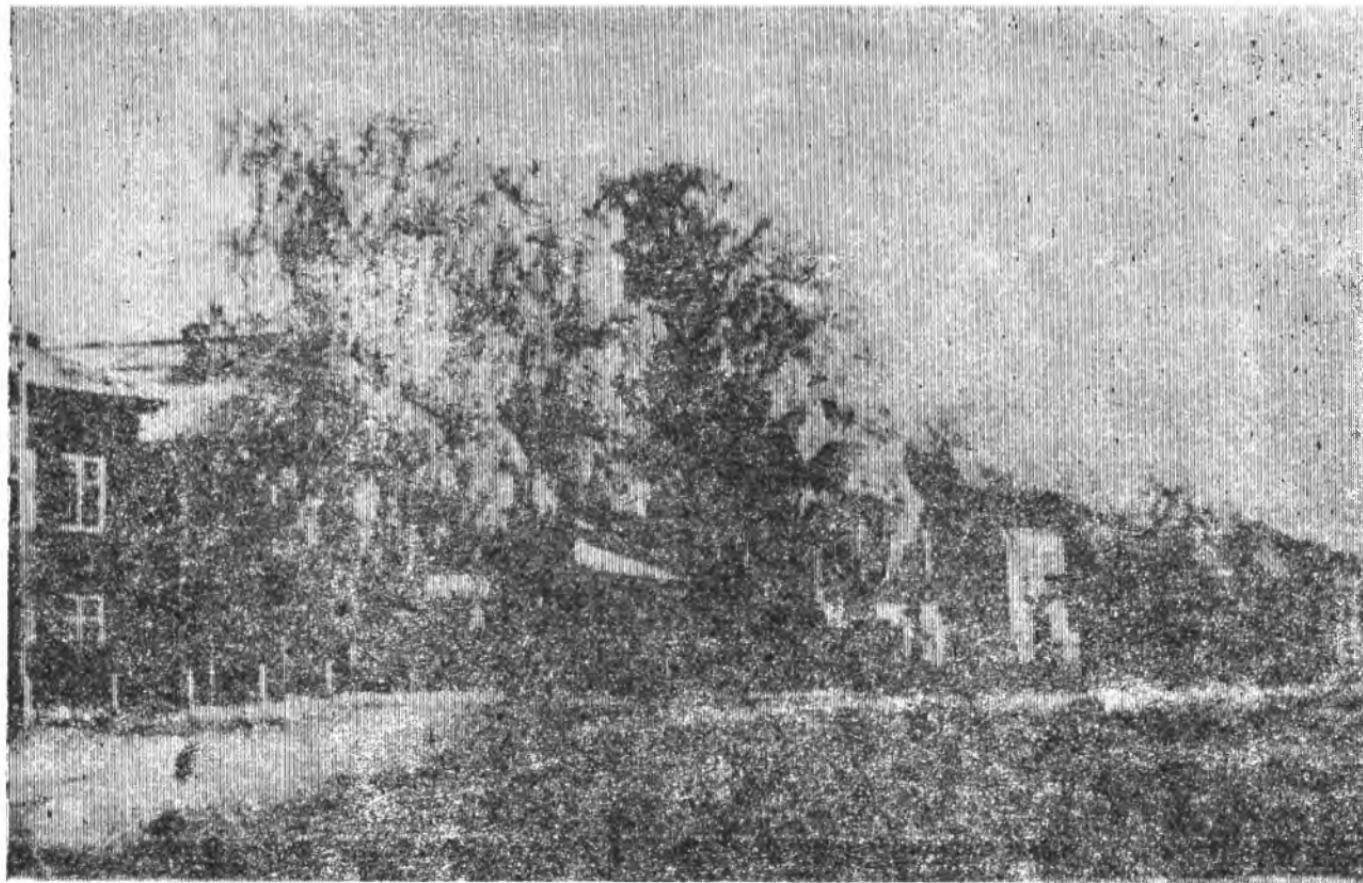
БЕТЕХТИН А. В.
Генерал армии.

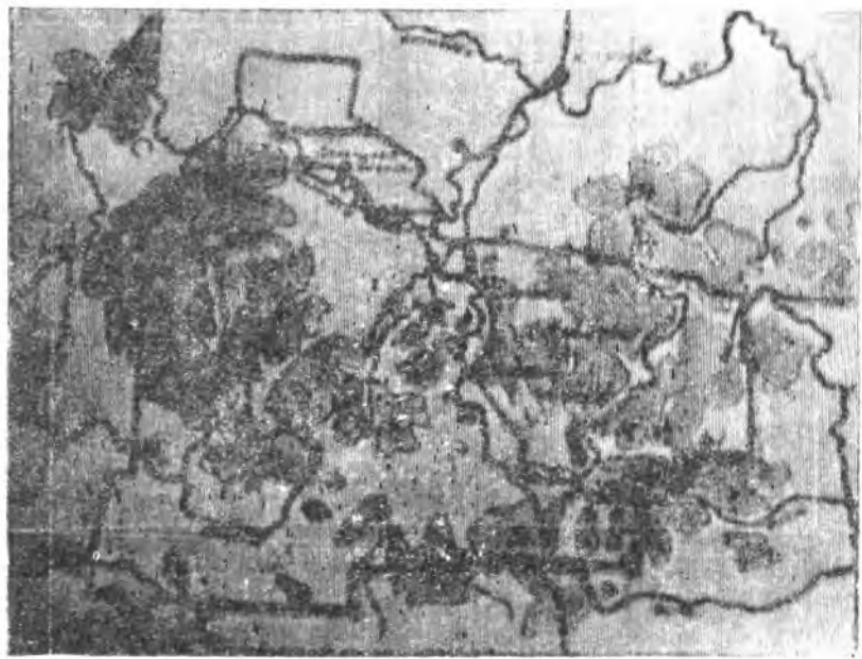
ЛЕШУКОВ Г. П.
Лейтенант-майор

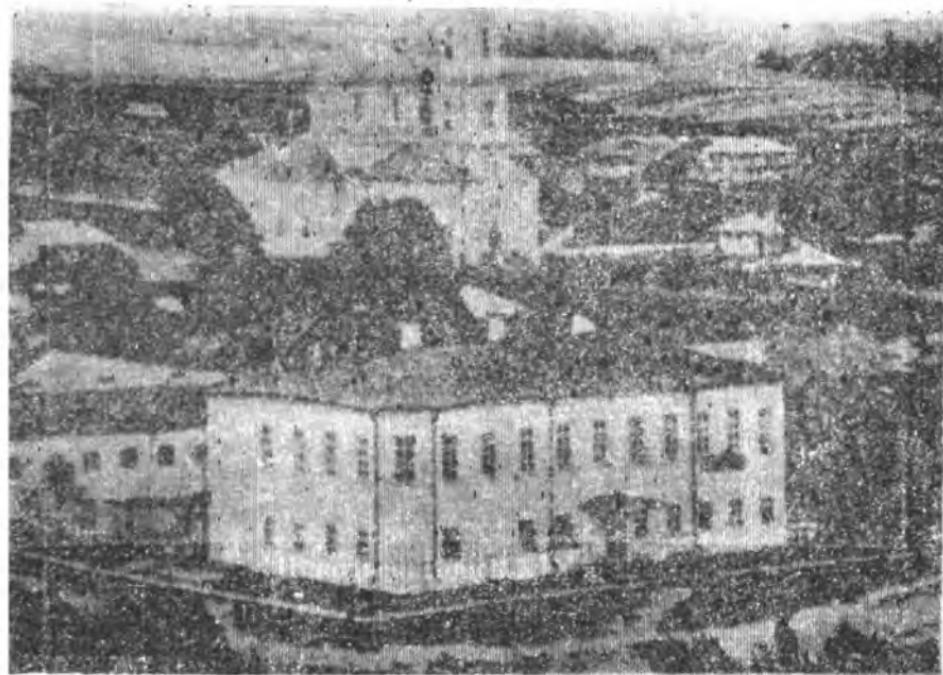
Сретенский собор. Нач. XX в.

Гл. улица города — Миллионная (ныне Советская) нач. XX в.

Северные Увалы.

Никольск. Конец XIX в.

Н. В. ШЕЛГУНОВ В НИКОЛЬСКЕ

На формирование мировоззрения русского общественного деятеля, публициста, философа и литературного критика Николая Васильевича Шелгунова оказали большое влияние Белинский, Герцен, Чернышевский. С Герценом, Чернышевским и многими другими передовыми людьми того времени Шелгунов был лично знаком.

Не удивительно, что он так же как и Чернышевский, сразу понял грабительский характер реформы 1861 года и разъяснял это народу.

Н. Г. Чернышевский написал прокламацию «К народу», за что поплатился каторгой.

Н. В. Шелгунов выпустил прокламацию «К солдатам» и «К молодому поколению» (последнюю совместно с поэтом-демократом М. Л. Михайловым).

В прокламации излагалась целая программа демократических преобразований общественной жизни России.

М. Л. Михайлов был привлечен к суду, как главный виновник в распространении прокламаций, и приговорен к каторге, где впоследствии и погиб. Арестован был и Костомаров, который печатал прокламацию Шелгунова «К солдатам».

Н. В. Шелгунов принял самое деятельное участие в облегчении участия М. Л. Михайлова, а затем вместе с женой Людмилой Петровной отправился в Сибирь, чтобы организовать побег Михайлова и уехать за границу.

Но случилось непредвиденное. Костомаров не выдержал тюремного заключения и ради личной свободы пошел на предательство. В письме неизвестному Соколову он сообщал об участии Шелгунова в составлении прокламаций. Письмо попало в 3 отделение (департамент полиции). Шелгунов был арестован.

Хотя прямых доказательств виновности Н. В. Шелгунова не было, а М. Л. Михайлов всю вину взял на себя (и это в конечном счете стоило ему жизни), тем не менее Н. В. Шелгунов один год и 7 с половиной месяцев просидел в одиночной камере Алексеевского равелина Петропавловской крепости, а затем был сослан под строгий надзор полиции.

Местом ссылки были определены отдаленные места Вологодской губернии.

В начале декабря 1864 года Шелгунов был в Вологде проездом к месту ссылки по пути в город Тотьму. 8 декабря он выехал в Тотьму, а 13 декабря уже писал жене Людмиле Петровне о прибытии. В письме он говорит о своем тяжелом положении и упадке физических сил, надорванных тюремным режимом: «...Здесь я совсем один, как пень среди долины. От своей почвы оторван, дом разбит, а новых корней здесь не пущу и гнезда не совью».

Суровый климат и нелегкие условия расшатывают и без того подорванное здоровье ссыльного.

Медицинским освидетельствованием, произведенным тотемским врачом Я. Муромцевым, было установлено, что Шелгунов очень серьезно болен, в том числе туберкулезом легких. Шелгунов ходатайствует о перевода в другие, более южные города, но ему разрешают переселиться только в Великий Устюг.

26 марта 1865 года он отправился из Тотьмы, а 4 апреля писал первое письмо жене из Устюга, который ему нравился больше Тотьмы. Здесь уже была значительная библиотека и даже фотография. Город имел к тому времени 8,5 тысяч жителей.

Для человека безукоризненной честности, открытого характера и совершенно непримиримого к недостаткам, устюгские власти вскоре сделали дальнейшее пребывание в городе совершенно невозможным. В одном из писем к жене он очень ярко характеризует создавшуюся обстановку и свое положение в Устюге: «...быть литератором в провинции небезопасно, и теперь мне остается только ожидать что кто-нибудь, обидевшись какой-нибудь моей статье, написанной без всякой мысли о нем, найдет каких-нибудь незнакомцев с дублем, поставит их у моих ворот, и.. ты понимаешь, что дальше. Увлеченные усердием незнакомцы приложат излишнее старание, и в одно прекрасное утро полиция города Устюга найдет на тротуаре мой бездыханный труп».

В Никольск Н. В. Шелгунов был переведен из Устюга 17 января 1866 года, прибыл в Никольске 20 января.

О причинах перевода он пишет 26 января «...я дал пощечину (две) одному судебному следователю, господину в высшей степени дерзкому, глупому, зверю в семейной жизни и т. д. Люди, знающие его, говорят, что ему следовало получить их давно, но из местных жителей не нашлось ни одного человека, способного на это».

К этому вопросу Шелгунов возвращается еще раз также в письме к жене из Никольска 7 июня 1866 года: «...пощечина, данная мною судебному следователю Сутоцкому, — человеку, о котором ты можешь судить по тому, что он услыхал о Гарибальди

в первый раз только тогда, когда явилась шляпка А-ля Гарibalди, и который звал меня человеком подозрительным и ссыльной собакой, была причиной, что устюжский исправник, друг и приятель Сутоцкого арестовал меня, конечно, очень дурно. Но неужели ответить пощечиной на грубость, значит быть поведения неблагонамеренного?».

«Надо сказать, что первые впечатления о Никольске (так же, как и ранее об Устюге) у Шелгунова были оптимистическими. Гонимый судьбой от одного пристанища к другому в глухих отдаленных уголках Вологодской губернии, он, очевидно, просто силой воли поддерживал бодрость духа и уверял себя, что так жить еще можно, и надеялся на лучшие времена. «Я в Никольске уже десять дней, — писал он 30 января 1866 года, — и живется мне в нем легко. В Устюге постоянно я чувствовал над собой полицейский надзор и это какая-то пытка, которой ты, конечно, представить себе не можешь». Но это только первое впечатление. В дальнейшем, как мы увидим из последующих писем, пришло полное разочарование. Оторванный от культурной и политической жизни маленький городишко, конечно, был не для Шелгунова, он не мог удовлетворить интересы образованного и деятельного человека.

Л. П. Шелгунова в одном из писем изъявила о желании провести в Никольск телеграф. Николай Васильевич ответил, что никольские жители благодарят ее за это желание. Действительно, тогда для связи уездного городка с губернским центром не было даже прямой дороги. Чтобы попасть из Вологды в Никольск или обратно, приходилось делать крюк в 200 верст через Великий Устюг.

Посылаю тебе виды дома, в котором я живу, — писал Шелгунов жене 7 июня 1866 года. — Дом на самом скате к реке Югу, маленький, скверный, полугнилой; вокруг печаль и нищета. Против дома ванна, устроенная здешним лесничим, и я купаюсь в ней три раза в день регулярно».

К сожалению, фотографий этих мы не имеем. Прошло более ста лет, и никто из самых древних старожилов не может ничем помочь, а ранее никто из никольских краеведов по вопросу о пребывании Н. В. Шелгунова в Никольске не оставил нам каких-либо заметок.

Суровые климатические условия Никольска усугубляют состояние здоровья Н. В. Шелгунова. Особенно обострилась болезнь в феврале 1866 года. Он просит разрешения хотя бы отправиться в Устюг для совета с врачами. Но губернатор отклонил даже эту просьбу, наложив резолюцию: «Недостаточность

поворов». Вскоре, 16 марта, он пишет никольскому исправнику: «Не нахожу оснований дозволить г. Шелгунову эту отлучку, так как для облегчения болезни его, как вы пишите, хронической, известной устюгским врачам, он может воспользоваться письменными их советами».

Так в холода и бедности чах и медленно умирал царский политический ссыльный, один из видных представителей русской культуры того времени.

Надо было иметь поистине титанический дух, терпение и настойчивость, глубокую веру в правоту своих убеждений, чтобы и в таких неимоверно трудных условиях продолжать работать. Он, не переставая, пишет одну статью за другой по вопросам философии, литературной критики, истории, эстетики, публицистики, хотя цензура режет или совсем запрещает его труды. «Пишишь, пишишь, сидишь с утра до вечера и только для того, чтобы цензура запрещала. Из 48 листов набранных для первой книжки «Дела», 22 запрещены», — сетует он в одном из писем. «У меня было заготовлено несколько статей. Одни из них запрещены безусловно, о других идут цензурные толки и рассуждения в комитете».

В этот период жена Шелгунова — Людмила Петровна, бывшая до этого за границей, в Женеве, — возвращается на родину и принимает энергичные меры к освобождению Николая Васильевича из ссылки. Об этом многократно просил ее и сам Шелгунов, так как его попытки получить разрешение на выезд из Никольска не дают никаких результатов. «Все свои надежды на улучшение положения я возлагаю на твое личное ходатайство, ибо мои письма и просьбы решительно остаются без ответа», — пишет он, а в следующем письме повторяет: «Возвращайся скорее и устраивай, ибо только то и будет, что сделаешь ты. Мне из Никольска делать ничего нельзя: не к кому писать, некого просить — никто не слушает».

Он посыпает ей письмо для графа Шувалова, дает рекомендации, куда лучше обратиться, как опровергнуть возложенные на него обвинения. В письмах того периода еще раз подчеркивает исключительно трудные условия жизни политических ссыльных.

Вот отрывок из письма от 22 июня 1866 года.

«Разве люди, знающие хоть что-нибудь, умирали с голода?» — спрашиваешь ты. «Да, умирали. Умирали буквально. У меня примеры на глазах, что люди в Устюге, городе с 8,5 тыс. жителей, не могут найти себе никакого занятия и, получая 6 рублей казенного содержания в месяц, ходят исхудалые, как тени. Ты

говоришь, давать уроки: по уроки давать строго запрещено. И, зная Никольск, я вместе с тем знаю, что нам существовать в нем местными средствами совершенно невозможно. Так как Благосветлов (редактор журнала «Русское слово») был арестован, а ты в Женеве, то я считал все свои источники существования закрытыми.

...Самое приятное было бы бросить журнальную работу и приняться за какое-нибудь занятие распорядительного характера. В Петербурге ты можешь это сообразить, уладить и устроить. Не забывай того, что крепость унесла у меня на 10 лет силы и здоровья.

...Помни, что в Никольске нам жить нельзя: или в губернии, ближайшей к Петербургу, по железной дороге, или на Волге, или в Вологде, или же в ближайших к ней уездных городах — Кадникове или Грязовце».

Но все попытки вырваться из Никольска, все ходатайства оказываются тщетными. Возможность освобождения становится еще более отдаленной после попытки студента Д. Каракозова убить царя Александра II, так как правительство усилило репрессии.

Вскоре был закрыт журнал «Современник», а вместе с ним и «Русское слово», в котором Шелгунов постоянно печатал статьи.

Оставалось жить на гроши, выдаваемые на содержание ссыльным. «На эти деньги жить с Колей нельзя», — писал он. Не трудно понять, с какой болью в сердце писал эти строки Шелгунов, любивший своих детей. А Коля также, как отмечает Шелгунов в письме вологодскому губернатору, был «с прошедшей зимы болен грудным катаром». Старший сын Миша находился все время при матери, которая уезжала за границу тоже из-за острой необходимости лечения.

Приближалась зима. Чахоточному больному снова в воображении рисовались картины, как в трескучие морозы, имея лишь скучную одежонку, он будет прятать лицо в шафр при выходе из дома для отметки в полицейскую управу, а остальное время жить затворником. Жить в Никольске стало невыносимо, и он принимает отчаянные попытки выбраться отсюда. Нельзя не остановиться на письме от 18 сентября 1866 года, так как оно проливает свет на всю несостоятельность обвинений, по мотивам которых видный общественный деятель России, съедаемый болезнями, был заточен в тюрьму, а затем угасал на бесправном и полуницем положении политического ссыльного.

Он писал жене: «Генер-аудитор обвинил меня:

1) В сношении с государственным преступником Михайловым. Но я был с ним в сношениях, т. е. яснее виделся в Петербурге с разрешения князя Суворова; в Сибири виделся также с разрешения начальства...».

2) Что «вел переписку с разжалованным рядовым Костомаровым». Но, во-первых, переписку с рядовыми у нас не запрещено вести; а во-вторых, я никогда не вел переписки с рядовым Костомаровым, а писал к нему всего одно письмо из Наугейма, когда Костомаров был офицером. Пусть спрашивается в деле. Тут очевидная ошибка.

3) Что «имею вредный образ мыслей, доказывающийся непропущенной цензурой статей». Сам по себе образ мыслей, не проявляющийся никаким внешним актом, не может составлять вины; а если обвинять за статьи нецензурные, то есть ли хотя один литератор, статьи которого не запрещались бы иногда цензурой?

Все три обвинительных пункта генерал-аудитора я считаю недоразумением. Если бы судили меня нынче гласным судом, то меня бы оправдали... если Шувалов убедится предоставленными тобою ловодами, то я могу надеяться даже на возвращение в Петербург. Все зависит от искусства ходатая. Не может ли быть полезен Суворов? Разузнай и сделай все, что нужно и можно».

Как вспоминает Л. П. Шелгунов, с осени 1866 года и до конца года она «обила в Петербурге все пороги, ездивши хлопотать по делам о переводе Николая Васильевича куда-нибудь в более благоприятный город». Но ничего более благоприятного выхлопотать не удалось. Просто разрешили переехать в другой, тоже ничем не примечательный, уездный центр Вологодской губернии — город Кадников. Но и этот переезд Шелгунов должен был сделать за свой собственный счет и в сопровождении полицейского. На таких условиях и оставил он Никольск 19 декабря 1866 года.

Неприветливо встретил его Кадников. Две недели он потратил лишь на то, чтобы найти себе квартиру, бегал иные дни с утра до 9 часов вечера. «Я не устал, а изнемог, — писал он жене. Нервы натянулись, как струны: раздражаюсь теперь всякой мелочью, просто ад. Жду тебя, как ангела-успокойтеля».

Кадниковским исправником, в чью полную зависимость попал Шелгунов, был совершенно безграмотный человек, выслужившийся из почтальонов. Все написанное, прежде чем отправить,

Шелгунов должен был согласовать с исправником. И вот, написав статью, автор отправлялся к этому новоявленному неграмотному цензору и целые вечера читал ему, а тот запрещал все, что сам не понимал.

Неожиданный случай на короткое время изменил судьбу ссыльного. В Кадников заехал князь Суворов, у которого, говорят, было имение в Вологодской губернии. Представиться высокому гостю явилось уездное начальство. Не воспрещалось прийти и частным лицам; с ними-то и зашел на прием Шелгунов. Конечно же, не потому, что бывший петербургский генерал-губернатор разделял взгляды Н. В. Шелгунова, можно объяснить все последовавшее. Вероятнее всего здесь имели вес знакомство и связь жены Суворова и матери Л. П. Шелгуновой, которые были близки до самой смерти. Но когда ссыльный вошел в зал, петербургское светило сочло возможным тотчас узнать его, обнять, облобызать и даже пригласить в кабинет на разговор. Этот ли факт, поднял вес Шелгунова или бесконечные просьбы осужденного и очевидная недостаточность обвинений тому причиной, но вскоре Шелгунов был переведен в Вологду, «под надзор полиции», на этот раз без добавления «строгий».

Кратковременное пребывание в Вологде было для семьи Шелгуновых все же передышкой. Здесь они были все вместе (жена приехала еще в Кадников), имели возможность широко встречаться с передовыми людьми, в частности, с В. В. Берви-Флеровским и писателем П. В. Засодимским. П. В. Засодимский был очень близок с Шелгуновым по своему убеждению и по своей нелегкой судьбе, детские годы он провел в Никольске. Не трудно понять, сколько находили они общих тем для разговоров и как оба нуждались во встречах друг с другом.

Пожалуй, не будет большой ошибкой назвать этот период в жизни Шелгунова лебединой песней, вскоре закончившейся печальным финалом. Поводом послужил, казалось бы незначительный случай. На второй месяц пребывания ссыльного в Вологде столичному начальству поступил донос, что в семье Шелгуновых живет воспитанница, что было делом недозволенным. И хотя на госпитализацию дочь «почетного гражданина» Морозова из г. Кадникова (доверенное лицо крупного помещика Лихачева) взял не Шелгунов, а его жена, не являющаяся ссыльной, согласилась обучать девицу иностранным языкам, как говорят, «пошла писать губерния», посыпались циркуляры из столицы.

Шелгунов был удален из Вологды, снова «под строгий надзор полиции».

С апреля 1869 года он живет в Калуге, затем в Новгороде, Выборге, Самаре, Ярославле, Пензе, Шлиссельбургском уезде.

Лишь в 1876 году Шелгунов был освобожден от полицейского надзора и ему было разрешено проживание в столице.

Шелгунов был непримиримым борцом за интересы угнетенного народа.

Память о Николае Васильевиче Шелгунове не может быть предана забвению соотечественниками, тем более в нашей области, где он провел свои самые трудные годы.

РАСЦВЕТАЛИ ЯБЛОНИ

В Никольске жил и работал один из пионеров северного садо-водчества, ученик и последователь И. В. Мичурина Владимир Васильевич Спирин (1860—1938).

Десятки лет еще до революции он занимался выведением новых сортов плодовых деревьев и ягодников. В 1928 году на базе спиринского сада организован плодово-ягодный опорный пункт.

До конца своей жизни неутомимый садовод работал над выведением новых, высокоурожайных и зимостойких сортов плодовых и ягодных культур и многое добился. Им выведено шесть сортов яблонь (Никольское, Бессемянка, Никольская, Сеянец пепинки, Коричное-китайка и другие), восемь сортов крыжовника, шесть сортов малины, четыре сорта смородины. Многие из них до сих пор обогащают сортимент садов и ягодников в северной полосе страны.

Старший научный сотрудник Вологодского плодово-ягодного опорного пункта М. И. Лаптев приводил такой факт в статье «Основоположник северного садоводства» (газета «Красный Север» от 2 ноября 1960 года). В Вологодском плодопитомнике за 1955—1956 года вымерзли или потеряли треть кроны южные, среднерусские и крупно-плодные мичуринские сорта яблонь, спиринские же сорта яблонь сохранились, весной были все в цвету, а летом дали обильный урожай плодов.

Спиринские сорта яблонь отличаются хорошими вкусовыми качествами плодов, высокой урожайностью, очень рано начинают плодоносить и почти не поражаются паршой. Высокими качествами отличаются и ягодные культуры, выведенные интузиастом-садоводом.

Результатами своих опытов Владимир Васильевич делился со всеми, он напечатал немало статей в научных журналах, издал

книгу «Культура ягодных и плодовых растений на Севере». В 1965 году в издательстве «Колос» вышла книга избранных статей В. В. Спирина по селекции, сортоиспытанию и агротехнике садовых растений под заглавием «Северное садоводство».

На родине помнят Спирина как хорошего педагога. Помимо своей работы па опорном пункте, он вел курс садоводства и огородничества в школе второй ступени, педтехникуме, помогал повышению квалификации колхозных кадров.

Многолетнюю опытническую работу Спирина высоко оценил И. В. Мичурин, который называл своего ученика «глубоким знатоком садоводства на Севере». Достаточно пролистать собрание сочинений Мичурина, чтобы убедиться, что в каждом его томе есть ссылки на опыты и статьи пионера северного садоводства.

Академик ВАСХНИЛ М. А. Лисавенко, также лично знавший В. В. Спирина, так пишет о нем: «Вся сознательная жизнь Владимира Васильевича Спирина с ранних юношеских лет до ее конца была наполнена бескорыстной и беспредельной любовью к природе. Любовь эта была пронизана светлой мечтой о цветущих садах Севера, призванных украсить быт народа, достойным сыном которого был В. В. Спирин».

После смерти отца плодово-ягодным опорным пунктом в гор. Никольске руководила дочь Спирина — Вера Владимировна, тоже страстный садовод, специалист с высшим образованием, научный работник.

Верой Владимировной выведено восемь новых сортов крыжовника. Большое место занимает распространение сортов плодово-ягодного пункта. Саженцы яблонь и кусты ягодников отправлялись в разные концы страны, с каждым годом все больше и больше. С 1933 года, когда опорный пункт начал работу по масовой продаже посадочного материала по 1965 год включительно, распространено 95700 яблонь, 96300 кустов крыжовника, 437680 — малины, 153570 — смородины, 961840 — земляники и клубники. Сады, выращенные из саженцев Никольского плодово-ягодного пункта, цветут во всех концах нашей Родины.

Посадочный материал из плодопитомника попадал в разнообразные климатические условия, но со всех сторон опорный пункт получал радостные вести о том, что саженцы приживаются и хорошо плодоносят.

«Сад, заложенный с вашей помощью, — читаем в одном письме, — уже плодоносит. В нем 150 яблонек, 250 кустов крыжовника, смородины, вишня. Он признан лучшим в районе.

Коллектив учащихся, учителей и родителей приносят благодарность коллективу опорного пункта. Костромская область, Чухломский район, Глазуновская семилетняя школа». (Письмо (1960 год).

«Ваш посадочный материал смородины и крыжовника преросходен. Все саженцы принялись», — пишет Д. Ковалев из Таганрога.

Сорта яблони Спирина в основном сосредоточены в Вологодской, Костромской, Архангельской, Кировской и Ярославской областях. Большой коллективный сад заложили посадочным материалом из Никольска рабочие Ярославского автозавода. Ярославцы больше других областей использовали для посадки крыжовник сортов Спирина. Сорта яблонь и ягодников Спирина вошли в стандартный сортимент не только Вологодской области, но и ряд других природно-климатических районов.

В Коми АССР районирован крыжовник «Сеянец Лефора», ма-лина «Спирина № 2» и черная смородина № 30, выведенная Верой Владимировной Спириной.

По Свердловской и Пермской областям районирован сорт ма-лины «Спирина № 3», по Курганской области — «Белая Спирина». Этот сорт, один из лучших, изучался на Московской плодово-ягодной станции, имеет широкое распространение и в других областях (Калининской, Пермской, Великолукской).

На Московской плодово-ягодной станции изучался также спи-ринский сорт крыжовника «Сеянец Лефора» и теперь вошел в сортимент Костромской и Челябинской областей.

По Ленинградской области районирован сорт малины «Ни-кольская крупная». В Башкирии проявлен большой интерес к сортам черной смородины селекции Никольского плодово-ягодно-го пункта. Отдельные сорта малины Спирина оказались весьма ценными для Алтайского края.

Из 13 сортов яблонь, районированных по Вологодской области, 8 выведены Никольским плодово-ягодным пунктом. (Бессемян-ка, Никольская, Круглок Воронина, Овальное Воронина, Николь-ское, Урожайное Берсенева, Петряевское осеннее, Вегететивное, Антоновка-китайка). Три сорта крыжовника, районированные по Вологодской области, выведены в Никольском опорном пункте: (Сеянец Лефора, Красный круглый, Зеленый крупный), а также 2 сорта малины (Спирина № 6 и Спирина № 5 — Никольская крупная).

В городах никольских деревнях вы часто встретите у жителей сады плодовых деревьев и ягодников.

Среди садоводов-любителей немало подлинных энтузиастов. Продолжая дело, начатое Спириным, они акклиматизируют у себя привозные сорта плодовых деревьев, проводят скрещивание различных сортов яблонь. Интересен сад в дер. Оботурово у Панова Ростислава Андреевича, местного журналиста, сотрудника районной газеты. Здесь вы встретите не только широко известные местные плодовые деревья, но, к удивлению, найдете и слиевые деревья со зрелыми плодами, хозяин угостит вас также орехами из своего сада, покажет грушевое дерево и различные ягодники.

Многие сорта яблонь опорного пункта росли в саду Александра Александровича Берсенева. Занимался он и опытничеством, стремясь из семян завозных яблок выводить новые сорта. Один сорт, выведенный А. А. Берсеневым, изучен опорным пунктом и, как уже говорилось, введен в стандарт по Вологодской области под названием «Урожайное Берсенева».

Яблони многих местных сортов, крупноплодный крыжовник, смородина, малина прекрасно произрастили в саду у Павла Павловича Тельминова. Хороши яблони и кусты крыжовника, малины, клубники у А. И. Тропиной, А. П. Ворониной и многих других жителей города. Но больше всего, пожалуй, можно удивляться результатам опытнической работы пенсионера Павла Петровича Медведева. Много лет проработав сотрудником опорного пункта, он и дома проводил долголетние опыты по плодоводству. В квартире Павла Петровича вы найдете плодоносящее лавровое дерево, а в приусадебном саду произрастает много «диковинок Севера». Здесь и айва — растение южное, и слиевые деревья, и вишня, и черешня, и черноплодная рябина. Что касается яблонь, то каких только опытов не делал на них любитель-садовод. На одной из яблонь привито и растет 8 сортов яблок.

В ТРУДЕ И В БОЮ

Перед Великой Отечественной войной, по Всесоюзной переписи 1939 года, население района составляло 55085 человек. В районе было 236 населенных пунктов (город Никольске, деревни, лесные поселки). В 199 колхозах на 1 января 1939 года было объединено 9936 хозяйств — 90 процентов к общему числу крестьянских хозяйств.

Пахотной земли числилось более 48000 гектаров. Посевная площадь в 1939 году составляла 32750 гектаров (Вологодский областной архив новейшей политической истории, ф. 894, оп. 2, д. 1, л. 51), из них 13523 гектара занимала рожь, 10455 — овес, 1386 — пшеница, 3828 гектаров было засеяно льном.

В 1937 году с одного гектара в среднем получено 12,2 центнера ржи, 6,9 — овса, 5,7 — пшеницы, 1,24 центнера льноволокна (там же л. 53). Район считался хлеборобным еще с дореволюционных лет, хотя голод начала тридцатых годов не обошел стороной и этот уголок. Площадь естественных сенокосов, убранных колхозами в 1939 году, равнялась 47130 гектарам.

В районе имелись две машинно-тракторных станции. В 1940 году Вахневская МТС имела 61 трактор, Никольская — 53. Во всех организациях и колхозах района к этому времени насчитывалось 56 грузовых и легковых автомашин, из них в МТС — 12. (Там же. Л. 51).

Об оснащении колхозов техникой свидетельствуют данные 1938 года: сеялки зерновые конные — 109, жнейки конные — 181, косилки конные — 262, молотилки простые — 133, молотилки сложные и полусложные — 51, веялки — 750, сортировки зерновые — 70. Только один колхоз имел локомобиль, в 8 колхозах имелось по одному двигателю, а в 9 хозяйствах по одной автомашине (Великоустюгский филиал Государственного архива Вологодской области, в дальнейшем — ВУ филиал ГАВО) — ф. 43 оп. 1, д. 636, л. 55). Основной тяговой силой при слабом оснащении техникой были лошади. Их в колхозах было 9232.

К началу 1940 года колхозы располагали значительным количеством крупного рогатого скота — 14520 голов. Свиней насчитывалось 1289 голов, в том числе свиноматок — 428. В колхозных отарах паслось 1511 овец.

Колхозники в личном пользовании имели 8937 голов крупного рогатого скота, (что составляло около 61,5 процента к поголовью общего стада), 6996 свиней (почти в 5,5 раза больше, чем на свинофермах колхозов), овец 16043 (в десять раз больше, чем на овцефермах (ВУ филиал ГАВО, ф. 433, оп. 1, д. 636, л. 1)).

Скот держали и крестьяне-единоличники. Подворье у них невелико, но почти все имели корову и лошадь, держали овец, свинью. Единоличных хозяйств было тогда в районе более 900.

Многое делалось для окончательного вытеснения единоличников, упорно не вступающих в колхоз.

Государственная политика строилась на отчуждении людей от собственности. Утверждалось, что только лишенный частной собственности человек, становится действительно свободным. Особого накала достигла борьба за лишние «сотки» — сotые доли гектара, пригороженные к приусадебному участку сверх норм. На 1-й районной партконференции в 1940 году этому вопросу уделялось особое внимание. Еще до конференции для обмера приусадебных участков в районе было создано 22 комиссии. Они выявили и прирезали к колхозной земле «излишков» от 6368 хозяйств колхозников 938,47 гектара, от 926 хозяйств единоличников — 223,44 гектара, от 47 других не членов колхозов — 17,45 гектара, всего было отчуждено 1478 гектаров земли (Вологодский областной архив новейшей политической истории ф. 894, оп. 2, д. 1, л. 52).

Справедливости ради следует подчеркнуть, что жизнь деревни в предвоенные годы изменялась к лучшему. Позади остались голодные времена 1932—1933 годов, закончились раскулачивания и высылки крестьян, в торговле стало больше продовольственных и промышленных товаров.

Большинство никольских крестьян поверили в Советскую власть и морально были готовы защищать новый общественный строй. В предвоенные годы в народе совершенно искренне пели патриотические песни.

Особо надо отметить огромную работу, проведенную за годы Советской власти по ликвидации неграмотности, отдав должное сельским учителям. Только за зиму 1930—1931 годов за партии сели 18754 взрослых, неграмотных и малограмотных. Открывались пункты ликбеза, новые школы, вводилось всеобщее начальное, а затем и семилетнее образование. В 1940 году в районе было 2 средних, 7 неполных средних и 78 начальных школ. В них обучалось 9804 учащихся, в том числе в 1—4 классах — 7128 учеников, в 5—7 классах — 2233, в 8—10 классах — 444 учащихся. (Там же, л. 44)

В 1940 году в районе было 2 больницы, 16 фельдшерско-акушерских пунктов (вместе с сезонными). Медицинский персонал состоял из 3 врачей и средних мед. работников. (Там же, л. 60).

* * *

22 июня 1941 года в парткабинете Никольского райкома партии проходил семинар секретарей первичных парторганизаций. В суровом и тревожном молчании они прослушали выступление по радио В. М. Молотова о начале войны. Срочно был созван общегородской митинг, на который пришли более 4000 жителей города и окрестных деревень. Митинги прошли во всех колхозах и на всех предприятиях района.

23 июня состоялось городское комсомольское собрание. Комсомольцы-никольчане поклялись отдать все силы борьбе с фашистскими захватчиками и призывали к этому всех комсомольцев и молодежь района.

Почти все женщины районного центра — около 500 человек — пришли 30 июня на общегородское собрание. Они обратились с открытым письмом ко всем женщинам района о замене на всех работах уходящих на фронт отцов, мужей, братьев и сыновей.

День 23 июня стал первым днем массовой мобилизации. По повесткам военкомата и добровольно изъявили готовность защищать Родину около 700 человек. Эти тревожные дни начала войны по-особому помнят старшие никольчане. Много было выплачено слез материами и женами, бессонные ночи провели семьи мобилизованных в Красную Армию. Много вопросов задавали люди друг другу и руководящим работникам района. Приводим эти вопросы, не изменяя стиля того времени: «Как поведет себя Англия? Почему окончательно не разбила наша армия Финляндию в прошлом году? Зачем продавали хлеб Германии и Финляндии?» Но главные вопросы, мучившие всех людей: «Почему стала возможной эта война? Чем объяснить ее внезапность? Как долго она продлится? Как будем жить». На эти вопросы никто не мог дать ответа.

За первые два дня мобилизации было призвано в армию немало руководящих кадров из организаций и колхозов района. Одних только председателей колхозов около 70 человек, много бригадиров, заведующих молочно-товарными фермами.

Сразу же ушли на фронт около 100 коммунистов (в 1940 году в районной парторганизации состояли на учете 168 членов и 229 кандидатов ВКП (б)).

С первого дня войны в райвоенкомат поступают заявления с просьбой о срочном призывае в ряды Красной Армии и немедленной отправке на фронт. В первых рядах добровольцев — коммунисты.

«Прошу РК ВКП (б), — писал С. В. Лукин, председатель райкома профсоюза рабочих леса и сплава, — дать мне возможность

пойти в ряды Красной Армии и вместе с ней раздавать гадов-фашистов». (Вологодский областной архив новейшей политической истории, ф. 894, оп. 2, д. 170, л. 1). Учитель по образованию (до войны окончил Ленинградский университет, работал директором межрайонной колхозной школы в Никольске), С. В. Лукин отдал свою жизнь в боях за Родины, как верный ее сын.

Заявления об отправке добровольцами на фронт подали секретарь парторганизации лесопункта Гусиная П. Я. Попов, слушатели межрайонной колхозной школы И. Ф. Сидоров, А. П. Большаков, Н. А. Большаков, колхозник Н. К. Баев из дер. Кумбисер, К. П. Шиловский из д. Дор, участник боев с белофиннами Д. Д. Шевницын и многие другие.

На зов Родины живо откликнулся комсомол. Вот одно из заявлений никольских комсомолок тех дней. Оно подписано радиостанцией редакции районной газеты Надей Кузнецовой, лаборанткой ветбаклаборатории Юлией Трудовой, работницей райуполномоченного Ниной Цыпышевой и учительницей Галиной Шемякиной: «Убедительно просим зачислить нас в ряды добровольцев, идущих на фронт. Обучаемся в санитарной дружине и сумеем оказать первую помощь. Очень просим удовлетворить нашу просьбу и как можно быстрее». (Там же Л.9).

Агротехник из Нижней Кемы У. Н. Попова писала 8 июля 1941 года: «Второй раз прошу райвоенкомат учесть мое желание, как добровольца зачислить на передовую линию огня, на самые трудные участки. Вызываю девушек нашего района последовать моему примеру, идти на фронт и отдать все свои силы, а если потребуется, и жизнь. Как коммунист, не могу сидеть в тылу. Жду вызова. (Там же. Л. 31).

В июне — декабре 1941 года из района было мобилизовано на фронт 4115 человек, в 1942 году — 3786 человек, в 1943 году — 1263 человека. Все работоспособные мужчины уходили на фронт. Сиротела деревня, сиротела никольская земля. Вся тяжесть труда в колхозах легла на плечи женщин, стариков и подростков.

Работники Никольского райвоенкомата уже в послевоенные годы подсчитали, что из района было мобилизовано на фронт 11066 человек, т. е. каждый четвертый из всех жителей, включая новорожденных. Тогда же считалось, что погибли на войне 5146 никольчан. Надо сказать, что эти цифры не полные. Много уроженцев района к началу войны находились за его пределами и призывались на фронт другими военкоматами.

Сейчас, уточняя списки павших в Великую Отечественную войну никольчан, мы приходим к выводу, что число погибших земляков значительно больше — свыше 8 тысяч человек. Хотя вы-

явить эти данные стало намного труднее: с карты района исчезли многие деревни, поселки, хутора, ушли из жизни многие свидетели военной поры.

Тысячи никольчан отдали свои жизни за счастье Родины, ради жизни своих родных и близких, ради будущих поколений. Одни погибали сразу, мгновенно, сраженные в бою, другие умирали медленно и мучительно от ран, голода, от пыток фашистских палачей. Многие не избежали плена, газовой камеры и печи крематория. Что думали умиравшие, что было в их последнем взгляде, крике, вздохе? — не скажет нам никто из них.

Могут сказать из них те, кто остался в живых, побывав в ту пору (многие не раз) на грани жизни и смерти. Наперекор судьбе, всем смертям назло они прошли тяжелый ратный путь и утвердили для нас жизнь. И мы сохраним память и о них.

О Героях Советского Союза — уроженцах Никольского района опубликовано уже немало очерков и статей в газетах. Их подвиги описаны в книгах.

В селе Тарановка Харьковской области на Украине стоит памятник воинам, что пали смертью храбрых, но не пропустили врага. На памятнике высечены имена героев, в их числе имя гвардейца — солдата Василия Михайловича Павлова, уроженца дер. Верхний Рыстюг Никольского района. Бойцы взвода лейтенанта Широнина, в котором воевал В. М. Павлов, пятеро суток вели смертельный бой, почти все погибли, но не пропустили врага. Сейчас имя В. М. Павлова носят одна из улиц Никольска, колхоз, куда входит и деревня Верхний Рыстюг, пионерская организация Никольской средней школы.

Герой Советского Союза Василий Иванович Баданин родился в 1920 году в починке Великодворском, Никольского района. В 1942 году он участвовал в боях на Юго-Западном фронте. В 1943 году наш земляк — участник Курской битвы. А при форсировании Днепра 78 полк 25-й стрелковой дивизии, в котором воевал В. И. Баданин, захватил плацдарм на правом берегу и отбил многочисленные контратаки танков и пехоты противника. 26 сентября 1943 года В. И. Баданин подорвал гранатой немецкий танк и был награжден орденом Красного Знамени. 30 сентября взвод противотанковых ружейников, в котором воевал В. И. Баданин, отбил яростные атаки 15-ти фашистских танков. Первый, головной танк врага подбил В. И. Баданин. Звание Героя Советского Союза ему присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 марта 1944 года:

Дважды Герой Советского Союза маршал Конев Иван Степанович — почетный гражданин города. В Никольске он начинал свой славный путь, будучи в 1918—1919 годах уездным военкомом и первым председателем партийной организации при уездном исполкоме. Активный участник гражданской войны, И. С. Конев окончил Военную академию им. Фрунзе, а в годы Великой Отечественной войны командовал войсками 19-й Армии, затем Калининского, Западного, Северо-Западного, Степного, 2-го Украинского, 1-го Украинского фронтов. Войска под командованием И. С. Конева вели бои с фашистскими полчищами с первого до последних дней. В числе многих наград И. С. Конева — 7 орденов Ленина, 2 Золотые Звезды Героя Советского Союза, орден «Победа», 27 иностранных орденов и медалей. В Никольске в 1987 году открыт памятник полководцу (скульптор М. С. Каменский, архитектор И. Н. Орлов), его имя носит самая большая по протяженности улица города.

Герой Советского Союза Николай Алексеевич Пьянков — уроженец дер. Мокрецово.

Едва ли справедливо, что до сих пор горазде менее известны имена большинства участников Великой Отечественной войны, солдат и офицеров. Но ведь, именно они, рядовые фронтовых будней, несли на себе всю тяжесть войны. А сколько еще безымянных героев, сколько подвигов неизвестных или незаслуженно преданных забвению!

Орденом Отечественной войны I степени награжден в 1943 году командовавший ротой В. П. Кудринский. Рота автоматчиков В. П. Кудринского взяла дер. Шаловье, отбила пять атак противника. Плацдарм былдержан, командир роты был тяжело ранен, но не оставил поля боя.

В лесных делянках Никольского райпромкомбината долгие годы после войны честно трудился П. А. Лешуков, сражавшийся в составе одной из частей легендарной 62-й армии. В одном из боев в Сталинграде старший сержант П. А. Лешуков был тяжело ранен, но до конца выполнил боевую задачу.

Много наших земляков-никольчан дошли до Берлина в 1945 году и праздновали там День Победы. Среди них артиллерист-наводчик орудия гвардии сержант М. А. Проскуряков. Это он 5 марта 1944 года при форсировании реки Ингулец уничтожил 3 немецких танка. Гвардии сержанту М. А. Проскурякову за отвагу в бою был вручен орден Славы.

Большой боевой путь от берегов Волги до Праги прошел уроженец дер. Верхний Рыстюг П. М. Собакин, кавалер двух орденов Отечественной войны I степени и Красной Звезды. Под Тер-

Нополем, в апреле 1944 года, в танковой атаке старший сержант Собакин подбил 3 немецких «тигра».

Никольчанин Н. А. Кузин в войну был механиком-водителем танка и провел свой «Т-34» от Сталинграда до Берлина, участвовал в форсировании Одера, взятии Варшавы, разгроме Шнейдемюльской вражеской группировки. Сорок две танковых атаки на счету Николая Кузина. Сорок два раза он встречался лоб в лоб с врагом и глядел в лицо смерти.

Орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, Славы III степени и многими медалями награжден за образцовое выполнение заданий советского командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками бывший работник районного отделения «Сельхозтехники» Н. Г. Колтаков. Гвардии младший техник-лейтенант Н. Г. Колтаков в годы войны служил бортмехаником в авиационном полку тяжелыхочных бомбардировщиков дальнего действия.

Война нещадно коверкала судьбы людей. Иной и не рад был, что остался в живых: ему, изуродованному, искалеченному в свои 20 лет, вся дальнейшая жизнь представлялась сплошной пыткой. Тяжело контуженный Сергей Бурягин лишь через 28 лет вспомнил свое имя и в 1972 году написал письмо в Никольск: «Прошу помочь мне разыскать родных и близких, в 1942 году я был призван на защиту Родины Никольским райвоенкоматом. Защищал город Ленина. В 1944 году был контужен и ранен в голову при форсировании реки Мга. Осколком пробило позвоночник. В госпитале ампутировали обе ноги. Случилась еще беда: я забыл свою родную деревню... тридцать лет не имею никакой связи со своими близкими. Если найдется кто из родных, пожалуйста, сообщите мне о них».

В дер. Дьячково Аргуновского сельсовета нашлась родня Сергея Бурянина — сестры Мария и Анна. Побывал-таки солдат на родной земле! Вспомнил ее запахи, закаты и восходы солнца, белые летние ночи. Сам спускался на руках на берег Юга с удочкой.

А бывший солдат Михаил Смолин сумел вернуться в свою деревню Коныгино Краснополянского сельсовета в 1970 году, через 25 лет после Победы. После тяжелейшей контузии он потерял память, 17 лет провел в больнице под Вологдой. И вот однажды он подошел к лечащему врачу: «Я не Виктор, я вспомнил. Я — Михаил». (См. Э. Поляновский. Столько лет спустя М. 1985. С. 74—90).

На каких только фронтах Великой Отечественной, в каких только родах войск не воевали наши земляки! И повсюду снискали себе славу и уважение.

Отдал жизнь за Родину Н. Н. Гагарин, работавший военруком Никольского педучилища. В первый месяц войны в Ленинграде был сформирован 261-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон, первым его командиром стал Н. Н. Гагарин 13 февраля 1943 года в Красном Бору под Ленинградом комбат был сражен снайперской пулевой.

Большой боевой путь прошел А. П. Вытегоров. В ноябре 1941 — марте 1942 года он командовал стрелковой ротой, затем стрелковым батальоном и участвовал в освобождении городов Тихвин, Вишера, Чудово, Дно, Демянск, Холм, Великие Луки, Псков, Остров, Старая Русса, Гарту. Батальон форсировал реки Ловать, Висла, Одер, Шпрее, участвовал в ликвидации Демянской и Шнайдемюльской группировок немецких войск, добивал фашистов в их логове — Берлине.

Д. М. Капустин из дер. Ермаково награжден орденом Красного Знамени за форсирование реки Друть. В этой операции артиллеристы попали в окружение. Командир орудия Капустин сказал, что они будут биться до последнего снаряда, а в плен не сдадутся. Свою пушку они вытащили из окружения своими руками. Орденом Славы Капустин награжден за спасение своего командира, которого он вынес раненого с поля боя. Орденом Отечественной войны награжден за взятие «языка», медалью «За отвагу» — за отражение своим орудием контратаки танков противника.

И. Е. Кузнецов из дер. Чушевино воевал на Балтийском флоте. Главстаршина, старшина группы палубных комендаторов на эсминце «Стерегущий». После ранения он воевал в составе бригады морской пехоты. Артиллерист Кузнецов первую награду — медаль «За боевые заслуги» — получил 1 сентября 1941 года за отвагу в отражении атаки немецких торпедных катеров. Медалью «За отвагу» награжден в марте 1942 года за отражение своим орудийным расчетом контратаки противника, подавление немецкого дзота и минометной батареи. Орден Красной Звезды И. Е. Кузнецovу был вручен в 1943 году за подавление немецкой самоходной пушки, дзота, станкового пулемета и наблюдательного пункта. Тяжело давались каждая из боевых наград.

После войны возвратились домой победители. Из 11 тысяч ушедших на фронт вернулись живыми немногим более трех тысяч. На груди их ордена и медали за храбрость. Но разве те, не вернувшиеся, павшие, были менее храбрыми!

Невозможно рассказать обо всех ветеранах минувшей войны. Придет время, и будут установлены имена каждого из них, как сейчас имена погибших. Назовем хотя бы некоторых. Генерал-майоры А. В. Кудринский и Н. М. Ласкин, генерал-майор авиационно-технической службы Г. П. Лешуков, комиссар партизанского отряда Д. А. Дербин, командир взвода войсковых разведчиков лейтенант Владимир Никитинский, героически погибший при штурме рейхстага 29 апреля 1945 года. Похоронен в Трептов-парке в братской могиле у памятника советскому воину с ребенком на руках.

* * *

Нельзя оценивать иначе, как подвиг, титанические усилия в годы войны наших земляков, колхозниц и колхозников, рабочих леса, которые в труднейших условиях давали стране лес, хлеб, молоко, мясо и другие продукты для фронта и сырье для промышленности.

Жители района мужественно вынесли все тяготы военного времени. Колхозники с ранней весны и до глубокой осени начинали работу в 3—4 часа утра и заканчивали ее поздним вечером, летом же, как правило, трудились до 22—23 часов. Работали за двоих, а нередко и за троих. Приходилось осваивать новые профессии и совмещать их. Инвалид труда В. М. Нестеров из починка Елховицкий Полежаевского сельсовета в годы войны был одновременно и заведующим фермой, и кладовщиком, и кассиром колхоза и принимал участие в полевых работах.

73-летний И. Д. Шиловский со своим сверстником П. А. Шиловским из дер. Орлово, летом 1942 года за три дня заскирдовали ржи с площади 24 гектара. А. Б. Баев из колхоза «17 Октября» Краснополянского сельсовета в октябре 1941 года изготовил 35 пар лыж. А. В. Берсенева из дер. Кузнециха Краснополянского сельсовета взяла на откорм 80 овец. М. Ф. Берсенева, жительница той же деревни, ухаживала за 16 коровами при норме 11. Большую часть тяжелых работ колхозники выполняли вручную.

Жены заменили мужей, сестры — братьев, ставших солдатами. Не хватало рабочей силы, в колхозах и на лесозаготовках осталось совсем мало техники. Женщины впрягались в плуг! — невозможно это представить, но и нельзя это забыть! Какого напряжения, какой силы воли стоило работать с нечеловеческой энергией, сжать до пределы нервы и только работать, работать ради того, чтобы Родина одержала победу!

А еще гнетущие вести с фронта, известия о смерти самых родных и близких: «Пал смертью храбрых..».

Солдатские матери, жены, сестры овладели мужскими профессиями, садились за руль тракторов и автомашин, брали в руки пилы и топоры. С первых дней войны были организованы курсы трактористок.

Все военные годы хлебом кормили Россию женские руки. Летом 1942 года комсомолка Юлия Карабеева на комбайне «Северный» убрала хлеб с площади 117 гектаров. Все военные и первые послевоенные годы она не выпускала из рук штурвала имя ее произносилось как пример для всей молодежи, она бесменно избиралась членом пленума райкома комсомола, вступила в партию.

Страницы районной газеты «Никольский коммунар» за 1941 год свидетельствуют о нечеловеческом трудовом напряжении военного тыла и об оказании помощи населением района Красной Армии. Колхозницы сельхозартели «Парижская коммуна» (дер. Упиралово) А. Г. Берсенева и А. Ф. Берсенева вручную сканили по 0,18 гектара ржи в день при норме 0,12 гектара.

В газете от 23 декабря 1941 года сообщается, что трудящиеся района с начала войны собрали и сдали для отправки в армию 8000 теплых вещей. Многие рабочие и служащие отдавали ежемесячно однодневный заработок в фонд обороны. Проводились массовые воскресники, весь заработка от которых также направлялся в оборону страны. Так, в воскреснике 15 февраля 1942 года участвовало 2642 человека, в том числе в Кумбисерском сельсовете — 522. Колхозники Нигинского сельсовета к 19 марта 1942 года сдали из своих запасов 471 центнер семян для колхозов, пострадавших от немецко-фашистских захватчиков.

Кончились лютые морозы первой военной зимы, но не было оттепели в военных делах. Положение страны было исключительно тяжелым. Враг захватил богатейшие районы. Война требовала все больше и больше средств, продовольствия, вооружения. Жители района отдавали все для фронта, причем сдавали не излишки, а жертвовали самым насущным. Значителен вклад никольчан в пополнение фонда обороны страны. К февралю 1943 года на танковую колонну «Вологодский колхозник» жители района внесли 2 миллиона 403 тысячи рублей, на строительство эскадрильи самолетов «Героическому Ленинграду» — 1 миллион 947 тысяч рублей, на танковую колонну «Вологодский лесоруб» лесозаготовители района собрали 1 миллион 30 тысяч рублей. Таким образом, денежные взносы района в фонд обороны к тому времени составили более 4 миллионов 944 тысяч рублей в денежных знаках и 559 тысяч рублей — облигациями, ранее выпущенных государственных займов.

Но не только денежными средствами пополняло население района фонд обороны. Например, в феврале 1943 года в этот фонд, кроме обязательных поставок, поступило 184 тонны зерна, 4487 килограммов мяса, 3501 литр молока, 12150 килограммов картофеля, 260 килограммов капусты, 698 килограммов лука.

Для воинов Красной Армии постоянно собирали большое количество теплых вещей. В зиму 1942—1943 годов на фронт отправлено: полушубков — 876, меховых жилетов — 195, валенок — 1889 пар, шапок — 882, курток и шаровар — 940, перчаток и варежек — 3882 пары, белья теплого и свитеров — 677, а также много тысяч пар нательного белья и других вещей, — всего 17589 предметов.

Тогда же никольчане отправили на фронт более 1000 посылок общим весом свыше 12 тонн. В посылках — сухари, мясо, масло, мед, сушка, табачные кисеты, блокноты, носовые платки и другие продукты и вещи. С января 1943 года, когда была прорвана блокада Ленинграда, жители Никольска и района отправили ленинградцам 2380 килограммов сухарей, 1625 килограммов муки, 902 килограмма сущеного лука, 22 килограмма меда, 54 килограмма мяса, 91 килограмм сущеных грибов и другие продукты. (ВУ филиал Государственного архива Вологодской области, ф. 436, т. 1, д. 356, л. 11).

Районная газета «Никольский коммунар» 2 мая 1943 г. опубликовала приветствие Верховного Главнокомандующего трудящимся Никольского района за их самоотверженную помощь фронту. В нем указывалось, что, кроме средств на танковую колонну, район дал 2140 тысяч рублей на строительство авиасоединения «Героическому Ленинграду». И сдал в фонд Красной Армии 10 тысяч пудов хлеба.

Кампания по сбору средств на строительство танков и самолетов для Красной Армии проходила необычно активно. Колхозники Нижнекемского сельсовета в течение двух дней собрали 100 тысяч рублей на строительство эскадрильи боевых самолетов и обратились с призывом ко всем трудящимся района последовать их примеру. (Газета «Никольский коммунар» от 16 января 1943 года). Семья тракториста Филиппа Дурягина из дер. Займище колхоза «Октябрь» внесла на танковую колонну «Вологодский колхозник» 2800 рублей, председатель колхоза «Моряк» С. А. Баев — 2300 рублей, председатель колхоза «Колхозник Севера» М. М. Баев — 2200 рублей.

Громадную помощь стране, фронту оказывал район организованной и дружной подпиской на Государственные военные займы и досрочной уплатой средств по подписке. Так, на Государ-

ственный военный заем 1942 года по району была произведена подпись на 2667350 рублей, — на 1387735 рублей больше, чем в предыдущем году. Председатель колхоза «Партиец» (л. Ильинское). А. Д. Корепин подписался на 3-й военный заем на 10 тысяч рублей. Председатель колхоза «Демино» Е. М. Залесов подписался на 2-й Государственный военный заем на 50 тысяч рублей и сразу всю сумму внес наличными.

Одним из крупнейших в области, Никольский район был хлебной житницей и давал стране ежегодно сотни тысяч пудов зерна. С первых дней хлебоуборки красные обозы с зерном нескончаемым потоком шли к государственным складам. В 1943 году район сдал только в зернопоставки 3106 тонн зерна, в 1944 — 3695 тонн, в 1945 году — 4231 тонну, не считая сдачи зерна в фонд обороны и других видов поставок сельхозпродуктов. (Вологодский областной архив новейшей политической истории, ф. 894, оп. 6, д. 3, л. 3) В 1942 году колхозы района засеяли специально свыше 342 гектаров и обязались сдать весь урожай с этой площади в фонд обороны страны. Обязательство было выполнено.

Всю громадную работу оборонного значения по производству лесоматериалов, сельскохозяйственной и другой продукции трудащиеся проводили под руководством районной партийной организации. Ее в течение всех военных лет возглавлял опытный и энергичный Георгий Федорович Леонидов. Умелый организатор, агитатор и пропагандист, он везде успевал и умел найти путь к сердцу каждого человека.

На III партийной конференции, проходившей по окончании войны, отмечался значительный рост партийных рядов, а число парторганизации за отчетный период (с 1942 по 1946 год) выросло более чем в 2,5 раза (с 26 до 69). Все передовые колхозы возглавлялись коммунистами («Прожектор» — председатель Ф. Н. Воронин, «Демино» — председатель Е. М. Залесов, «Партиец» — председатель А. Д. Корепин, «Северный партизан» — председатель Е. В. Баев).

Передовые хозяйства сумели в трудные годы войны не только не уронить, но значительно поднять артельное хозяйство. Колхоз «Красный птиловец», например, с 1941 по 1945 год увеличил поголовье всех видов скота от 10 до 15 процентов. В 1944 году урожай пшеницы по колхозу составил 14 центнеров с гектара. Осенью 1944 года колхозникам было выдано по 1 килограмму 700 граммов зерна на трудодень и много других продуктов. Семья колхозника И. П. Бушманова из 3 человек, к примеру, получила 107 пудов хлеба, более 200 рублей деньгами. Колхоз досрочно выполнил план хлебопоставок и сдал в фонд обо-

роны страны 550 пудов зерна. Для колхоза, который сейчас называли бы карликовым, это много.

В войну работали, не покладая рук, и старый, и малый. Но не было такой работы, где бы не проявили свой энтузиазм комсомольцы, молодежь. В 1943 году комсомольская организация района за трудовые успехи в помощь фронту была награждена почетной грамотой ЦК ВЛКСМ. В 1944 году в районе создано 38 комсомольско-молодежных звеньев высокого урожая и 9 молодежных тракторных бригад. В социалистическом соревновании особенно отличались молодежные тракторные бригады Евгения Кузина и Василия Пшеничникова. Они получили премии областного земельного отдела и Почетные грамоты обкома ВЛКСМ. Кстати, и после войны бригада Василия Федотовича Пшеничникова еще более двух десятилетий оставалась в числе лучших, а сам бригадир был награжден орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции.

Большая и напряженная работа проводилась по военной подготовке населения. Прошли обязательное обучение по противовоздушной и химической обороне (ПВХО) на 1 декабря 1941 года 20289 взрослых и 10139 учащихся от 8 до 16 лет. (ВУ филиал ГАВО, ф. 436, оп. 1, д. 359, л. 5, 6). Была развернута подготовка для Красной Армии, 94 шофера обучались без отрыва от производства. (Вологодский областной архив новейшей политической истории, ф. 894, оп. 2, д. 86, л. 100)

К 10 ноября 1942 года подготовлено в районе 24 пулеметчика, 60 истребителей танков, 15 младших командиров. Подготовка по военным специальностям проводилась в организациях Осоавиахима. По линии Общества Красного Креста была сформирована сандружина из 32 человек и 76 человек прошли обучение и сдали нормы на значки ГСО («Готов к санитарной обороне»).

Было организовано выполнение Постановления Государственного Комитета Обороны о всеобщем воинском обучении населения без отрыва от производства, в дополнительное время после работы. Учебные пункты создавались, как правило, в лесопунктах. Лесорубы, наработавшиеся за день до усталости, и намокнув в глубоком снегу, поздним вечером занимались военным делом. К ноябрю 1942 года по району закончили начальную военную подготовку две очереди обучавшихся в количестве 1023 человек. Обучалась и третья очередь — 655 человек. (Вологодский областной архив новейшей политической истории, ф. 894, оп. 2, д. 86-а, л. 25, 26).

Неимоверно трудно было работать и жить оставшимся в тылу. В городе Никольске действовала карточная система, а в деревне и того не было. Люди едва могли сводить концы с концами, особенно многодетные семьи. Взрослые и дети голодали, употребляли в пищу разные суррогаты, перемешивали с мукой траву, куколь, клеверные головки. Единственной надеждой и опорой многодетным семьям в деревне в годы войны стал колхоз. Правление колхоза брало на учет многодетные семьи, время от времени старалось выделить им немного продуктов.

На III районной партийной конференции в 1946 году были подведены итоги большой многолетней работы по оказанию помощи семьям военнослужащих, семьям погибших воинов и инвалидов Отечественной войны. За счет инициативных и государственных фондов только в 1943—1946 годах было выдано: пособий семьям военнослужащих на общую сумму 8840261 рубль, пенсий семьям погибших воинов — 4624203 рубля, пенсий инвалидам войны — 3773991 рубль, пенсий инвалидам труда — 1622273 рубля, помошь семьям погибших на войне, кроме пенсий — 40026 рублей. Кроме денежных средств, было выдано нуждающимся: одежды и обуви — 11031 штука, продуктов питания — 582,5 центнеров, промтоваров — на 27122 рубля. Трудоустроено инвалидов и членов семей военнослужащих 5143 человека, в детские учреждения устроено 602 человека. (Вологодский областной архив новейшей политической истории, ф. 894, оп. 6, д. 3, л. 32). В годы войны в районе было пять учреждений закрытого типа для детей — сирот: дом ребенка, дошкольный детдом, Никольский, Аргуновский и Байдаровский дома для детей школьного возраста.

* * *

1941—1945 годы были труднейшие в жизни района. Но тяготы и лишения не поколебали преданность трудящихся Советской власти. Трудовой героизм никольчан — женщин, стариков и подростков приближал победу над врагом.

Заслуги тружеников тыла велики, хотя и оценены были в то время скромной наградой — медалью «За доблестный труд в войне 1941—1945 годов». В Никольском районе к октябрю 1948 года этой награды удостоились 4078 человек — в основном, женщины. (ВУ филиал ГАВО, ф. 436, оп. 1, д. 406, л. 2)

Чем более дорогой ценой была одержана победа, тем ярче и радостней ее торжество. Но для многих это была радость со слезами на глазах. В тысячи семей в военные годы пришла беда. Погибли мужья, сыновья, братья, сестры.

Жертвы были неимоверно велики. Не вернулись с фронта шесть братьев — сыновей Алексея Александровича Павлова из Степшинского починка Теребаевского сельсовета. Из пятерых братьев Смолиных из деревни Коныгино Краснополянского сельсовета порог родного дома переступил только один — Петр Яковлевич Смолин. Из пятерых братьев Чегодаевых из деревни Дор Краснополянского сельсовета отпраздновал День Победы только Николай Петрович Чегодаев. Агния Федоровна Сверчкова из поселка Молодежный Полежаевского сельсовета оплакивала гибель четырех братьев, Прасковья Андреевна Баданина из деревни Красное Заведение Полежаевского сельсовета — троих сыновей, Мария Александровна Горчакова из деревни Рамешки, Фекла Ильинична Жеребцова из деревни Вороново Нижнекемского сельсовета ждали и не дождались каждая троих сыновей... Длинным будет этот скорбный список никольских семей, потерявших на войне по нескольку человек. В 71 семью «похоронки» приходили трижды и более, в 192 семьи — дважды.

Имена павших навсегда останутся в памяти жителей района. Благодарные никольчане возвели в райцентре памятник «Павшим за Родину» (открыт 7 ноября 1967 года), памятник И. С. Коневу — скульптор М. С. Каменский, архитектор И. Н. Орлов (открыт 9 мая 1987 года), памятники «Скорбящей матери» в селе Байдарово (открыт в 1980 году) и «Павшим за Родину» в деревне Завражье (открыт в 1983 году).

Установлены обелиски в память о погибших в д. Кривяцкое, в с. Кипшеньга, в деревнях Зеленцово (1967 г.), Карныш (1971 году), Скоково, Осиново и В.-Рыстюг (1972 г.), Пермас и Ирданово (1973 г.), Кожаево, Козловка, Криводеево (1974 г.), Аргуново (1975 г.), в п. Борок (1978 г.), в деревнях Лоха (1980 г.) Переселене (1982 г.), Вахнево (1987 г.), Марково (1989 г.). К памятникам и обелискам приходят жители Никольска и деревень, приезжают родственники, чтобы поклониться и отдать долг памяти героически погибшим защитникам родной земли.

СРУБИЛИ НАШУ ЕЛОЧКУ

В довоенное время все работы в лесу выполнялись вручную, простейшими инструментами — топорами и поперечными пилами. В леспромхоз поступило 5 пружинных пил, но они вследствие конструктивных недостатков применения не нашли. Летом 1935 года в леспромхоз поступили первые гусеничные тракторы ЧТЗ-С-60, в том же году был создан межлесопункт Гусиная.

В 1939 году через 9 лет после организации ЛПХ в леспромхоз поступила первая легковая автомашина ГАЗ-АА (водителем на ней работал Берсенев А. Ф.).

В 1939—40 годы лесозаготовили района получили первые газогенераторные тракторы ЧТЗ-С-65.

В то же время (1939) в ЛПХ поступили первые 12 газогенераторных автомобилей ЗИС-21.

В сезон 1932—1933 года в лесопунктах леспромхоза работало 3554 человека сезонных рабочих и 1050 лошадей.

В предвоенные годы формируются постоянные кадры рабочих — лесозаготовителей района вместо сезонных рабочих (из колхозников в зимний период). На январь 1939 года постоянных рабочих леспромхоза было 207 человек, в январе 1941 года — 345 человек.

На 1 января 1941 года леспромхоз имел в своих лесопунктах (Гусиная и Югский) тракторов «Сталинец», работающих на жидким топливе — 4 шт. и «газенов» — 6, лесовозных машин на жидким топливе «ЗИС-5» — 3 шт. и на газогенераторном «ЗИС-21» — 10 штук.

Благодаря поступлениям новой техники и в неменьшей степени благодаря регулярно проводимым ударным месячникам, объем лесозаготовок в предвоенные годы значительно возрос. В 1939 году Никольский ЛПХ заготовил и вывез 515 тыс. кубометров древесины.

В годы Великой Отечественной войны объем лесозаготовок резко сократился. Рабочие, лошади, техника ушли на фронт. На защиту Отечества ушел почти весь состав автогаража. Автобаза «Доровское котище» перестала функционировать.

Ушедших на фронт трактористов заменили девушки. Первыми трактористками были Баева Елена Афанасьевна, Рыжкова Клавдия Николаевна, Медведева Софья Александровна, прибывшие из Тотемской школы ФЗО. Девушки работали и слесарями.

Несмотря на все сложности военного времени, леспромхоз справлялся с годовыми планами со средним объемом в год 110 тысяч кубометров. Кроме того по спецзаказам ежегодно лес

Промхоз поставлял до 23 тыс. штук ружболванки, 12 тыс. штук лыжной болванки, авиасосну, палубник, фанерное сырье, понтон-ник и другие материалы.

В послевоенные годы началось техническое перевооружение леспромхоза. В сентябре 1946 года Дуниловский лесопункт стал механизированным. Вся древесина, заготовленная в зимний сезон, вывозилась здесь автомобилями.

В 1949 году ЛПХ имел 23 лесовоза, в том числе 7 машин ЗИС-5 и 16 машин ЗИС-21.

В 1947 году стали поступать первые передвижные электростанции с электропилами ВАКООП. На такой пиле, весом 23 килограмма работали двое — моторист и помощник.

В 1949 году поступили первые трелевочные тракторы КТ-1.

В связи с поступлением новой техники надо было создавать свою ремонтную базу. В 1950 году началось строительство в Никольстве ремонтно-механических мастерских ЛПХ. В короткий срок были построены здания под локомобиль и механический цех, в котором были установлены токарные, шлифовальные, расточные и другие станки. Первым начальником РММ был И. В. Шиловский, участник минувшей войны.

В 1958 году началась вывозка леса в хлыстах. Объем вывозки вырос с 422 тысячи кубометров в 1955 году до 647 тысяч кубометров в 1965. Самый большой объем вывозки ЛИХ выполнил в 1976 году — 738,9 тысяч кубометров.

В 1969 году в лесопункты стали поступать сучкорезные машины ЛП-30, ЛП-30Б, ЛП-33. В 1971 году на смену бензопил «Дружба» пришли мощные пилы «Урал», на погрузке леса появились челюстные погрузчики, более мощная трелевочная техника.

Во всех лесопунктах работали клубы, магазины, столовые и другие объекты бытового обслуживания. Все лесные поселки электрофицированы и радиофицированы. Во многих домах лесозаготовителей появились телевизоры, газ, центральное отопление. Во всех лесопунктах работали школы — 1 средняя поселке Борок и 5 восьмилетних.

Успехи в работе лесозаготовителей района в послевоенный период несомненны. Леспромхоз все эти годы был ведущим, самым крупным промышленным предприятием района. В становление и укрепление этого предприятия вложили свой труд многие фронтовики-ветераны Великой Отечественной войны. Многие из них за долголетний и самоотверженный труд на лесозаготовках награждены орденами и медалями. Орденом Ленина награжден А. Н. Нестеров — начальник Кемского лесопункта, М. В. Рыкованов — мастер леса Высокинского лесопункта, Н. С.

Подольский — пилостав, В. А. Берсенев — директор леспромхоза, В. С. Попов — инженер леспромхоза, И. Н. Горчаков из Кудангского лесопункта.

Орденом Трудового Красного Знамени награждены Д. И. Павлов и Я. Е. Патраков — вальщики леса из Кемского лесопункта, В. И. Шапкин — из Дуниловского, В. К. Шиловский и В. И. Воронин — начальники Березовского и Душиловского лесопунктов, Д. В. Рыжков — вальщик леса Березовского лесопункта, А. А. Вершинин — мастер нижнего склада Дуниловского лесопункта и другие. Вальщик леса из Дуниловского лесопункта П. П. Ко-стылев награжден орденом Октябрьской революции. Многие награждены медалями «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие». А сколько бывших фронтовиков, десятки лет шагавших в одной шеренге с награжденными, работавшие с ними в одной бригаде, остались незамеченными или незаслуженно обойденными. Все они внесли в развитие производства свой упорный труд и опыт. Вот один пример.

Долгое время лихорадило Мурже-Кудангский лесопункт. При равных условиях с другими коллективами из месяца в месяц, из квартала в квартал срывал он план рубки и вывозки леса. Но вот назначили начальником лесопункта бывшего фронтовика Дмитрия Коноплева. Он знал здесь многих ветеранов труда, так как работал в Куданге мастером леса в первые послевоенные годы. Но не только с ветеранами, со всеми рабочими нашел общий язык, в частности, с прибывшими на заработки на зимний сезон из Молдавии. «Молдован или грузин — без разницы. Были у нас в батальоне и казахи, и чуваши, евреи и татары, с Кавказа и Украины — все дружно воевали за нашу единую Родину. А тут надо дружно работать». И стал лесопункт лучше работать, всшел в график, перестал лихорадить. Вот, что значит фронтовик! Гвардии старший сержант.

ДЕРЕВНЯ МОЯ НАЗЫВАЕТСЯ...

(Ойконимы)

«Россия, ты вся началась с деревень».
С. ВИКУЛОВ.

Всем интересно знать, что означает название населенного пункта, в котором они живут, происхождение этого названия. Что означает название других населенных пунктов района, соседних районов, области, страны?

В свое время вопросами топонимики местного края интересовались наши краеведы А. П. Панов и С. А. Топорков.

Они добросовестно изучали этот вопрос, прочитали о названиях наших деревень, речек и т. д. все, что было написано до них, собирали местные предания, легенды. Но беда в том, что литературы по топонимике Никольского края и Вологодчины тогда было слишком мало.

И вот в киоске мне попалась на глаза книжка под заглавием «Географические названия Вологодской области». Этот топонимический словарь составлен доктором филологических наук, профессором Вологодского пединститута Юлией Ивановной Чайкиной и напечатан С.-Западным книжным издательством в конце 1988 года.

Пользуясь этой книгой, хочу познакомить всех интересующихся краеведением наших читателей со многими ойконимами, т. е. названиями населенных пунктов, тем более, что книга вышла сравнительно небольшим тиражом и не каждый сможет ее прочесть.

Больше всего окойников происходит от личных имен основателей или владельцев селений. В нашем районе таких названий очень много: Вахрамеево, Мелентьево, Алексеево, Борисово, Мянкишево, Варламцево, Захарово, Есипово и многие другие.

В ряде названий угадывается рельеф местности (Горка, Верховино, Высокая и т. п.) особенности местной растительности (Липово, Березово, Кленовая), размеры, время возникновения, расположения относительно другого населенного пункта, нередко названиедается по двум признакам (Старина; Красная, Веселая Грива, Осиновая Гарь, Большой Двор, Нижний Рыстюг, Малое Фомино).

В словарь включено около 1000 наименований населенных пунктов области, а всего их на Вологодчине около 8000 названий. Приводим ниже названия населенных пунктов Никольского района (в

порядке алфавита), некоторых широко известных нам селений других районов и краткие пояснения происхождения этих названий.

АБАТУРОВО, д. Краснополянского сельсовета Упоминается в Писцовых книгах Устюжского уезда 1623 г.: «...д. черная Оботуровская на реке Офимовке, 4 двора (Черная — значит государственная). В списках селений в середине XIX в. значится, что дер. Оботурово на речке Оботуровке состоит уже из 26 дворов. Название возникло от древнерусского л. и. (личного имени) Оботур. Существительное оботур (абатур), легшее в основу имени), издавна бытовало в северных и среднерусских говорах в значении упрямец, грубый, упорный и скрытый человек. (См. словарь В. И Даля, 1955, с. 612).

АРГУНОВО, деревня, центр Аргуновского сельсовета. Упоминается в Писцовых книгах Устюга 1624 года: «..черная деревня Аргуново на речке Шарженге и на речке Аргуновке, а в ней 2 двора». От древнерусского м. л. и. (мужского личного имени) Аргун, весьма распространенного в XV—XVIII веках. Например, одного из опричников Ивана Грозного звали Аргун Иванович Захарин. В северно-русских (вологодских) говорах аргать — рычать, ворчать, аргун — тот, кто постоянно кричит, ворчит.

БЕЗГАЧИХА, деревня Подболотного сельсовета Бабушкинского района. До начала XVII века Безгачиха — однодворный починок, в первой четверти XVII века — уже деревня, 5 дворов. От м. л. и. — прозвища Безгачий. Так, на Новгородской земле в XV веке жил крестьянин Клим Безгачий. Существительное гачи в древнерусском языке означало штаны. Безгачий — это бесштанник, беспорточник, т. е., нищий, оборванец.

БЛУДНОВО, деревня Пермасского сельсовета. Селение возникло в далеком прошлом на пустоши, которая называлась Чудское дворище, а Блудное то же. По-видимому, до русских здесь длительный период проживали племена чуди — финно-угры. В начале XVII века это уже деревня! «..Чудское дворище, а Блудное то же на реке на Югу в Блудновской прилуке» (Писцовые книги Устюга 1624 года). В материалах Генерального межевания 1796 года она называется Блудновской выставкой, Чучкое то же.

Происхождение слова Блудново в толковании Ю. И. Чайкиной сводится к следующему. В словаре народных географических терминов (Мурзаев Э. М. М. Мысль, 1984) слова Блудна, Блудила означают извилистые, петляющие реки. В словаре русских народных говоров (т. III, с. 80) приводится имя — прозвище Блудня — так называли человека, не любящего трудиться, тунеядца.

БОЛЬШОЙ ДВОР. У нас в районе это деревня Байдаровского сельсовета. В области такое название носят 18 деревень, да еще 20 деревень называются Великий Двор.

В древности Великий (большой) двор — усадьба крупного феодала, центр вотчины, боярских владений. Неизвестно, каким центром могла быть прежде наша деревня Большой Двор. Но вот рядом, по соседству стоит село Лоха. В древних устюжских летописях встречается волость Лоха. Это было еще в период татарских набегов на наши края. Запись в летописи за 1462-й год — самый древний источник из всей писаной истории, где упоминается географическое название нынешнего Никольского района.

ВАХНЕВО. Подобные названия деревень встречаются и в других районах нашей области. Автор книги объясняет происхождение слова от неполного м. л. и. Вахно (Вахне) — Вахоня. Населенные пункты с таким названием отмечаются еще в источниках XV века (например, пустошь Вахнева в Вологодском районе).

ВОЛОГДА, административный центр Вологодской области. Впервые упоминается в летописи под 1147 г., но ученые предполагают, что Вологда основана значительно раньше — в X или XI веке. Город получил название по реке. Гидроним Вологда древневепеского происхождения и означает, что это река с «белой» (прозрачной, чистой), водой.

ВОСТРОВО. Деревни с подобными названиями встречаются и в других районах нашей области. Согласно одной из версий, происхождение ойконима восходит к русскому м. л. и. — прозвищу Вострой. Ульян Вострой проживал, например, в В.-Устюге во второй половине XV века. В древнерусском языке вострой — острый (о человеке), быстрый, востряк — бойкий, проворный, задорный.

ВЫРЫПАЕВО, деревня Теребаевского сельсовета. В Писцовых книгах Устюга 1624 года селение называлось Ворыпаево, имеет оно и второе название — Киеинино, т. е. Киягинино. Деревня тоже состояла из 3 дворов и входила в волость Шарженьга. В списках селений середины XIX века значится как Вырыпаево, 15 дворов. Восходит к прозвищу Ворыпай, Воропай — слепец, слепой.

ДВОРИЩЕ. Когда хутор или деревня совсем запустили, это место называется дворище. Затем на месте дворища вновь возникает селение, а слово дворище становится его наименованием, новым названием селения. Появление топонимов Дворище обычно связано с повторным заселением участков. Новое название Дворище вытеснило старое.

ДОР. Название восходит к существительному дор — в древней Руси подсека, расчищенный от растительности участок мелкого леса, подготовленный под пашню или сенокос. Селение, возникшее вблизи такого участка, именовалось Дор. В области 25 селений с таким названием.

ЕРМАКОВО. Название объясняется от разговорного варианта м. л. и. Ермолай — Ермак.

ЗАВРАЖЬЕ, деревня, центр Завражского сельсовета. Упоминается в материалах Генерального межевания 1796 года. Существительное завражье — в древнерусском языке место, лежащее за оврагом.

ЗЫРЯНСКИЙ, починок Пермасского сельсовета. Назван, видимо, по этнической принадлежности основателей починка. Зыряне — устарелое название коми или какой-то группы чуди Заволочской.

ИРДАНОВО, деревня Краснополянского сельсовета. Упоминается в Писцовой книге Устюга за 1624 год: «В Никольской слободке... деревня черная Ирданово на речке Ирдановице и в ней 3 двора». Название получала по речке, на которой расположена. Гидроним Ирдановица (Ирдановка) — от древнерусского слова иордань (в говорах ирдан, ирдань, ердань), означавшего прорубь с помостом и временной часовней для совершения обряда освящения воды и купания.

ИСТОПНАЯ. Есть такая деревня в В.-Устюгском районе. В нашем районе есть речка с таким названием. Проезжая по тракту от города, за деревней Плаксино вы сразу же под углом переезжаете через мост эту речку. Гидроним образован от прилагательного истопная, это значит текущая из топи, болота.

КИЧМЕНГСКИЙ ГОРОДОК, село, центр Кичм.-Городецкого района, расположен на реке Юг ниже впадения в нее реки Кичменги. Устюжский летописец сообщает: «1468 год приходили татарове казанские ратью... взяли городок Кичменгу и огнем сожгли и с людьми».

В 1968 году отмечалось 500-летие Кичм.-Городка.

Городками назывались раньше маленькие крепости. Еще в начале XVII века «...городок Кичменгской деревянной, рублен в клецки, а в нем на воротах колокольня, да башня отводная, да 45 городен.. А на городке 25 пищалей ручных, да 11 пищалей затинных..»

Со временем значение крепости утрачивается, населенный пункт стали называть селом, а городок становится вторым компонентом топонима: городок Кичменгский — село Кичменгский Городок.

КОРЕПИНО, деревня Аргуновского сельсовета. От древнерусского м. л. и. Корепа. В вологодских говорах корепа — человек с испорченным оспой лицом, также неуклюжий, делающий все неловко. Этимологический словарь определяет слово корепать — значит ломать, делать что-либо неумело; упрямиться, капризничать, недомогать, быть хитрым. Любое из этих влечений могло лечь в основу имени—прозвища.

Фамильное прозвание Корепины было весьма активно в XVII веке в бывшей Шарженгской волости. Так, в дер. Холщевиково проживали Иванко, Петрушка Сидоровы, дети Корепины, Ромашка, Тимошка, Петровы дети, Корепины и т. д.

КРИВОДЕЕВО, деревня Краснополянского сельсовета. Название восходит к древнерусскому сложному м. л. и. Криводей, распространенному на русском Севере.

КУРИЛОВО — соседняя с нами деревня Кичм.-Городецкого. От древнерусского имени — прозвища Курило. В русских народных говорах курило, курилка — кутила, пьяница.

МОЧАЛЬНИК, деревня Завражского сельсовета, родина известного силача Ивана Лобанова. Название деревни дано по местоположению: селение возникшее вблизи зарослей мочальника — мелколистной липы.

НИКОЛЬСК, город районного подчинения, центр нашего района. Поселение на месте Никольска основано выходцами из центральных районов России в XV веке. В результате слияния двух селений Старо и Ново-Никольского на берегу р. Юг возникает Никольская Слобода. В конце XVI века с началом внешней торговли через Архангельский порт у Никольской слободки появляется пристань. В начале XVIII века селение стало называться село Никольское. В 1780 году был образован Никольский уезд, к центру уезда, селу Никольскому присоединили четыре смежных деревни и назвали городом Никольском.

Первый компонент ойконима Никольская Слобода — название церкви, тогда деревянной, престол ее был освящен в честь святого Николая чудотворца. Второй — слово слобода — селение, жители которого временно освобождены от налогов.

ОВИННИЦА, деревня Кумбисерского района. Названа по местоположению. Слово овинница бытует в северо-восточных говорах в значениях поле возле овина, приусадебный участок для косьбы сена. Деревня, возникшая возле овина, стала называться Овинницей.

ОРЛОВО, деревня Лобовского сельсовета. Название восходит к древнерусскому м. л. и. Орел, весьма активному на Руси. Новгородский крестьянин Микула Орел упоминается, например, в источниках конца XV века.

ПОДОЛ, деревня Теребаевского сельсовета. В Писцовой книге 1624 года имела два названия: «Волость Шарженьга. черная дер. Подол, а Мисайлово то же на речке Кипшеньга, 3 двора». Ойконим Мисайлово восходит к древнему м. л. и. Мисайл. Первое название подол издавна употреблялось в значении низкое, низменное место, особенно близ реки.

РАМЕШКИ, деревня Осиновского сельсовета. В древнерусском языке слово рамене употреблялось в значениях: лес, соседний с полями, пашней; крупный, дремучий лес; приготовленный под посев участок леса, подсека.

РОДЮКИНО, деревня Краснополянского сельсовета. В начале XVII века у селения было два названия: «В волости Никольской слободки... черная деревня Родивоново, а Родюкино то же на речке Родюкине». В основе варианта м. л. и. первопоселенца — Родивон — Родюка — Родюкино. Не полное имя Родюка отмечено, например, в вологодских документах XV века. В списках селений середины XIX века: «Казенная деревня Родюкино при ручьях Солаихе и Родионихе, а в ней 24 двора».

РОССОХИНО, деревня в Байдаровском сельсовете. Возникла не ранее XVII века и имела два названия: «...вновь поселенная Скочковская выставка, по мирскому званию Россоха», (Ген. межевание 1796 г.) Скочковская выставка — отдельный двор или новое селение, вынесенное из дер. Скочково. Второе название указывает на место положения населенного пункта: селение, возникшее подле россохи — места слияния в одно русло двух рек, ручьев. Первый ойконим Скочковская выставка в XIX—XX веках утрачивается, второй изменяется по модели на ино: Россоха — Россохино.

СКОМОРОШЬЕ, деревня в Аргуновском сельсовете. Существовало мужское личное имя Скоморох. Например, в XVI веке в Белозерье проживал рыбный ловец Растрегайко Скоморох, в Новгороде — Скоморохов Степан Родионов. Имя восходит к существительному Скоморох, известному в древней Руси в значении музыкант, дудочник, странствующий актер.

СКОРОДУМОВО, деревня в Лобовском сельсовете. Существует два мнения о происхождении названия. Русское имя — прозвище Скородум, не раз отмеченное в памятниках древней письменности, возникло от слова скородум, имеющего в севернорусских говорах значение остроумный человек, догадливый, смышленный, быстрый на решения, легкомысленный. В древности слово скородум было известно в значении скороспелое, вдруг, наскоро задуманное и сделанное.

СЛУДА, деревня в Зеленцовском сельсовете. Слово слуда в значении гора, крутизна, утес. В ряде северорусских говоров оно сохранилось в значении крутой, обрывистый берег реки.

СОКОЛОВО, деревня в Краснополянском сельсовете. Название восходит к древнерусскому м. л. и. Сокол, широко распространенному в XV—XVII веках в Московской Руси.

СТАРИНА, деревня в В.-Кемском сельсовете. Название восходит к существительному старина, которое с давних пор употреблялось в значении пустое место, где в давнее время было поселение, много раз паханная и перепаханная земля в противоположность целине, дерновине. Деревня, возникшая на месте бывшего поселения, или около старой распашки, могла быть названа Стариной.

СУБОРНАЯ, деревня в Аргуновском сельсовете. Названа по местоположению. Слово суборь с давних пор бытует в значениях строевой лес, бор, (сосна, ель, пихта) по суглинику, песчаная, боровая почва. Деревня возле строевого леса называлась Суборь, а позже Суборная. Один из притоков Юга называется Суборница.

ТАЛИЦА, деревня в Лобовском сельсовете. Названа по гидрониму. В русских говорах талица, талец — незамерзающая, не покрывающаяся льдом река, ручей, озеро. Речка с таким названием тоже есть в нашем районе.

ХАЛЕЗЕЦ. На территории Никольского уезда существовали городки — крепости Осиновец, Кичменга, Халезец и Березов. Халезец — в устье р. Кипшенги. Название восходит к имени—прозвищу Халез. В северорусских говорах сохранился глагол халезить, в значении бранить, смеяться над кем-либо. Даже в XIX веке имя—прозвище Халез было отмечено в череповецких говорах.

ЮГ — река, на берегах которой мы живем и жили наши отцы и деды. Название реки восходит к гидрониму финно-угорского происхождения. Река — Ю (коми-зырян), йоки (фин.), йеги (эст). В переводе на русский язык значит просто река.

В названиях притоков Юга типа Анданга, Шарженга, Куданга и т. п. окончание «га» того же происхождения и означает «река», «вода», начало слов—какая вода (белая, красная, быстрая и др.)

**НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ НИКОЛЬСКОГО РАЙОНА
В СОСТАВЕ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ И КОЛХОЗОВ
ПО СОСТОЯНИЮ НА 1.1. 1941 года**

Название колхоза	Населенные пункты
АРГУНОВСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ	
1. «Большевик»	д. Чернцово
2. «Восход» («Веселый восход»)	д. Корепино, поч. Корепин
3. «Краснофлотец»	д. Аргуново, д. Березовец
4. «Красная звезда»	д. Красная Звезда
5. «Красный Перекоп»	д. Рассохино, д. Семеново
6. «Красноармеец»	д. Холщевиково
7. «Крестьянка»	д. Телянино
8. «Комсомолец»	д. Мичково, д. Семенка, х. Любин
9. «Луч»	д. Леунино
10. «Набережная» («Победитель»)	д. Набережная
11. «Никольское» (имени Молотова)	д. Никольское
12. «Новая жизнь»	д. Черная
13. «Партиец»	д. Ильинское
14. «Передовик»	д. Дьячково, д. Щипачево
15. «Победитель»	д. Павлово, д. Леунино, д. Трепаково
16. «15 лет Октября»	д. Суборная
17. «Передовик» («Танкист»)	д. Софоново
18. «Ударник»	д. Скоморошье
19. «Утро»	д. Пичуг
БАЙДАРОВСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ	
20. «Борец»	д. Шалашнево
21. «Большевик»	д. Рассохино
22. «Буденовец»	д. Старыгино
23. имени Кагановича	д. Захарово
24. «Ленинец»	д. Кудрино
25. «Красная звезда»	д. Большой Двор, с. Лоха
26. «Красный Перекоп»	поч. Рассохинский
27. «Нижний Юг»	д. Байдарово, д. Ковырцево
28. «Победа»	д. Петряево

29. «Проектор»
30. «Рабочий»
31. «Свет»
32. Имени челюскинцев

- д. Солотново
д. Травино
д. Крутиха
д. Чушевино.

ВЕРХНЕ-КЕМСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ

33. «Активный»
34. «Веселый Пахарь»
35. «Веселый восход»
36. «8 марта»
37. «Гроза»
38. «Демино»
39. «Дубровка»
40. «Каменка»
41. «Красный путоловец»
42. «Лантиг»
43. Имени Молотова
44. «1 Мая»
45. «Серп и молот»
46. Имени Сталина
47. «Счастливый путь»

- д. Крутики
д. Веселый Пахарь
д. Корепино, (пoch. Корепин)
д. Никольское (пoch. Никольское)
д. Верховино
д. Демино
д. Дубровка
д. Каменка
д. Костенево
д. Костылево
д. Верхняя Кема, д. Старина
д. Сенная
д. Серпово, д. Панино
д. Макарово
д. Красавино, д. Савино,
д. Всемирская

ВАХНЕВСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ

48. «Будь готов»
49. «Всегда готов»
50. «Гигант»
51. «Гудок»
52. «Дружный»
53. «Двигатель»
54. «Заря»
55. «Заря Победы»
56. «Искра»
57. «Подгорье»
58. Имени Пушкина
59. «Урожай»
- д. Оксилово
д. Захарово
д. Котельное
д. Турине
д. Каменка
д. М. Оксилово
д. Есипово
д. Каменное
д. Вахнево, д. Красавино
д. Подгорье
д. Юшково
д. Чернино

ЗАВРАЖСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ

60. «Быстрый»	п. Быстрый
61. «Восход солнца»	х. Попов
62. «20 лет Октября»	д. Сорокино
63. «Знамя»	д. Мочальники (пoch. Мочалинский)
64. «Искра»	д. Завражье
65. «Красная заря»	д. Веселая Грива
66. «Красный Восток»	д. Пенома
67. «Красная Горка»	д. Поникшата
68. «1 Мая»	д. Завариха
69. «Охотник»	д. Исарова Грива
70. «Промысловый»	д. Исаровка
71. «Первое мая»	д. Куревино
72. «Пятилетка в четыре года»	д. Животово, д. Старыгино
73. «Самолет»	д. Дунилово, д. Куревино
74. «Северный лесоруб»	д. Высокая
75. Имени Сталина	д. Старыгино
76. «Слет»	д. Пеженга
77. «Третий решающий»	д. Ермаково
78. «Ударник»	поч. Чегодаевский
79. «6-й съезд Советов»	д. Токовица

КУМБИСЕРСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ

80. «Комсомолец»	поч. Великодворский
81. «Красный пограничник»	д. Кленовица
82. «Красный качуг»	поч. Качугский
83. «Моряк»	д. Беляевка
84. «На страже»	д. Володино, д. Филимоновы Гари
85. «Новая жизнь»	д. Большая Овинница
86. «Октябрь»	д. Займище
87. «Партизан»	д. Кривяцкое, д. Маслово
88. Имени Стаханова	д. Малые Гари
89. «1 Мая»	д. Золотавино

КРАСНОПОЛЯНСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ

90. «Боевой»	д. Гора (Кишкина Гора)
91. «Красный боевик»	д. Верхний Рыстюг
92. «Красная Поляна»	д. Мокрецово

ПЕРМАССКИЙ СЕЛЬСОВЕТ

161. «Буревестник»	д. Скочково
162. «Ворошиловец»	п. Крестовский (Крестовецкий)
163. Имени Ворошилова	д. Бродивица
614. «9 января»	поч. Гороховский-1
165. «9 января»	д. Звонариха
166. «Красный пахарь»	д. Блудново
167. «Красный бор»	д. Дворище
168. «Красная нива»	поч. Дворищенский-1 и 2
169. «Коммунар»	д. Липово, д. Сторожевая
170. «Новый Север»	д. Березово
171. «ОГПУ»	д. Куданга
172. «Организатор»	д. Пермас
173. «Повечерная»	д. Повечерная
174. «Победитель»	д. Зырянский, д. Рассохинский
175. «Сталинец»	д. Калауз
176. «13 лет Октября»	д. Пахомово
177. «Ударник»	д. Шири

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ

178. «Гудок»	д. Горбаченки, д. Государенки,
д. Калистратенки
179. «Коммунист»	д. Б. Сверчково
180. «Культура»	д. Авдеево Поле,
поч., Новопокровский
181. Имени Куйбышева	д. Анданга
182. «Партизан»	д. Барсамоново
183. «Правда Севера»	д. Пермасский
184. «Повечерная»	д. Повечерная

ПОЛЕЖАЕВСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ

185. «Борец»	д. Устье Дароватки, поч. Лундонгский
186. Имени Буденного	поч. Сидоров, поч. Елховецкий
187. Имени Ворошилова	д. В. Талица
188. Имени Горького	д. Пертют
189. «Заря коммунизма»	д. Половинка, д. Полежаево
190. «Красный боец»	д. Белогарье
191. «Красный борец»	д. Елшинская
192. «1 Мая»	д. Кленовая
193. «Совет»	д. Красное Заведение

РОДЮКИНСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ

194. «Борьба за социализм»	д. Б. Фомино
195. «Боевой»	д. Кишкина Гора (Гора)
196. «Вперед»	д. Борисово, д. Мелентьево
197. Имени Ворошилова	д. Родюкино
198. «8 Марта»	д. Вахрамеево, д. Варламцево
199. «Героев Хасана»	д. Плаксино
200. «Красное знамя»	д. Обутурово
201. «Никольский коммунар»	д. Криводеево
202. «Память Кирова»	д. Кожаево
203. «Память Ленина»	д. Кузнечиха
204. «7 Ноября»	д. М. Фомино
205. «Совет»	д. Козловка
206. «Победитель»	д. Ирданово
207. «Сталинец»	д. Дор

ТЕРЕБАЕВСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ

208. «Буденновец»	поч. Степшинский
209. «Весна»	д. Кузнецово
210. «Веселый труд»	д. Наговицыно
211. «Восход»	д. Челпаново
212. «Красная звезда»	д. Гагарин Починок
213. «Красный маяк»	д. Иваково
214. «Красный Север»	д. Подол
215. «Ленинские всходы»	д. Мякишево, д. Теребаево,
д. Кипшеньга
216. «Молния»	д. Вырыпаево
217. «Непобедимый»	д. Подольская
218. «Новая жизнь»	д. Филиппово
219. «Пахарь»	д. Гужево
220. «1-е Мая»	д. Калинино
221. «Пионер»	д. Тарасово
222. «Сталинец» (Имени Сталина)	д. Коврыгино
223. «Степан Разин»	д. Самылово

ОГЛАВЛЕНИЕ

Есть на Севере хороший городок	1
На Северных Увалах	8
Страницы летописи	23
«Губернские ведомости» о Никольске	30
В год 1861	32
Память веков	38
Н. В. Шелгунов в Никольске	45
Расцвели яблони	52
В труде и в бою	56
Срубили нашу елочку	71
Вот моя деревня	74
Приложение	81